РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПОНЯТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Александр Петрович Стуканов
М. А. Миронов
Сергей Иванович Захарцев
Виктор Иванович Рохлин

Институт реабилитации в Российском законодательстве. Возникновение, развитие, понятие, перспективы

Серия «Российская государственность: история и современность»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11197665
Институт реабилитации в Российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / Под общ. ред. В. И. Рохлина: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс»; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-94201-538-1

Аннотация

В настоящем издании рассматриваются вопросы зарождения, развития и современного состояния института реабилитации в законодательстве зарубежных стран и Российской Федерации.

Институт реабилитации представлен авторами монографии как межотраслевой комплексный институт права, существующий в рамках административного, гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального и уголовно-процессуального права.

В работе проанализированы различные взгляды ученых на институт реабилитации и его элементы, на основания и условия применения данного института. Кроме того, рассматриваются субъекты правоотношений по реабилитации; права и свободы, подлежащие восстановлению, а также вред, подлежащий возмещению; порядок применения института реабилитации.

Для прокуроров, следователей, судей, адвокатов, а также для всех работников правоохранительных органов. Рекомендуется для студентов и аспирантов вузов при изучении отраслей права процессуального цикла.

Содержание

Введение 5
Глава 1 7
1. Понятие и значение института реабилитации 7
2. Отраслевая принадлежность института реабилитации 16
3. Понятие и содержание политической реабилитации 22
Глава 2 27
1. Зарождение, развитие и современное состояние института реабилитации в законодательстве зарубежных стран 27
2. Зарождение и развитие института реабилитации в российском законодательстве 43
Глава 3 53
1. Основные положения института реабилитации в российском законодательстве 53
2. Основания и условия применения института реабилитации в российском уголовном судопроизводстве 66
Конец ознакомительного фрагмента. 73

В.И. Рохлин, СИ. Захарцев, М.А. Миронов, А.П. Стуканов Институт реабилитации в Российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы)

© В.И. Рохлин, СИ. Захарцев, М.А. Миронов, А.П. Стуканов, 2007
© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007

* * *

Введение

Возникновение, становление и развитие любого государства неразрывно связано с поиском оптимального соотношения государства и личности.

Если соотношение устанавливалось не в пользу личности и государство получало ничем не ограниченную власть, то граждане такого государства выступали в качестве лиц, не имеющих прав и несущих бремя вмененных им обязанностей. Такое неравенство было свидетельством низкого уровня культуры общества и отсутствия демократии.

Если же соотношение складывалось в пользу личности, то граждане этого государства получали возможность оказывать воздействие на власть путем установления равенства во взаимоотношениях с государством и распределения взаимных прав и обязанностей. Равенство государства и личности принимало правовые формы, что служило отправной точкой для развития правового государства. В этом случае основными принципами становятся принципы, присущие правовому государству: наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание для личности режима правового стимулирования и наиболее последовательное связывание с помощью права государственной власти, формирование для государственных структур правового режима ограничения.

Проявлением равенства государства и личности является наличие взаимной ответственности государства перед личностью и личности перед государством. Реализация принципа взаимной ответственности является одним из основных компонентов правового государства. Данный принцип был сформулирован еще И. Кантом и звучит так: каждый гражданин должен обладать той же возможностью принуждения в отношении властвующего к точному и безусловному исполнению закона, что и властвующий в его отношении к гражданину[1].

Ступив на путь формирования правового государства и провозгласив себя таковым, Российская Федерация признает, соблюдает и осуществляет защиту прав и свобод человека и гражданина, указывая при этом, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью[2].

Для того чтобы данные нормы не оставались лишь декларациями и для выполнения своей основной функции – защиты прав и свобод человека и гражданина, государство должно иметь соответствующие процедуры, механизмы и институты.

Одним из таких институтов, отвечающих требованиям эффективности и гарантирующих защиту прав и свобод человека и гражданина в отношениях государство – личность, стал институт реабилитации. Основанный на принципе взаимной ответственности государства и личности, институт реабилитации нашел свое место в ст. 53 Конституции РФ, установившей, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. В ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закреплено, что реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания[3].

---

[1] *Малько А. В.* Теория государства и права в вопросах и ответах: Учебно-методическое пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 119.

[2] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1993. Далее – Конституция РФ.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят 18 декабря 2001 г. // Российская газета. 2001. № 249. Далее – УПК РФ.

Несомненно, лица, состоящие в правоотношениях с государством, если в таких правоотношениях имеют место нарушение закона, попрание закона, превышение или злоупотребление полномочиями со стороны должностных лиц государственных органов или попросту самодурство представителей государства, нуждаются в процессуальных гарантиях восстановления нарушенных прав и возмещении причиненного им вреда. Бесспорно и то, что признание и законодательное закрепление института реабилитации – важный шаг на пути формирования правового государства в России.

Проблемы, связанные с восстановлением нарушенных прав и возмещением причиненного вреда лицам, чьи права были нарушены действиями должностных лиц государственных органов, интересовали отечественных ученых задолго до того, как институт реабилитации нашел свое законодательное выражение. В дореволюционный период данному вопросу посвящали свои труды видные правоведы того времени: Н. И. Лазаревский, П. И. Люблинский, Н. И. Миролюбов, Н. Н. Розин, Г. С. Фельдштейн, И. Я. Фойницкий.

В послереволюционный и советский периоды большой вклад в формирование института реабилитации в отечественной науке внесли такие ученые, как Д. Н. Бахрах, Б. Т. Безлепкин, В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова, Т. Н. Добровольская, У. К. Исханов, Ч. С. Касумов, В. Т. Нор, М. И. Пастухов, М. Ф. Полякова, Л. А. Прокудина, В. М. Савицкий, М. С. Строгович, Н. Я. Шило.

В настоящее время, когда институты гражданского общества активно развиваются и прогрессивные идеи, направленные на становление правового государства в Российской Федерации находят свое выражение в принимаемом законодательстве, что подтверждается включением в УПК РФ главы, посвященной институту реабилитации, всестороннее исследование данного института только начинается.

Поэтому наша попытка принять участие в этом процессе и предопределила намерение исследовать наиболее актуальные вопросы современного права, касающиеся института реабилитации.

Глава 1
Понятие и отраслевая принадлежность института реабилитации

1. Понятие и значение института реабилитации

Реабилитация представляет собой сложное, многогранное явление общественной жизни и, как указывает Г. З. Климова, включает в себя медицинскую, социальную, политическую и правовую реабилитацию[4], поэтому, употребляя термин «реабилитация», необходимо каждый раз уточнять, о какой реабилитации идет речь в конкретном контексте в той или иной ситуации[5].

Говоря о таких видах, как медицинская, социальная и политическая реабилитация, следует констатировать, что так или иначе все они тесно связаны с правом и находят детальную регламентацию в различных нормативно-правовых актах[6], а также что данные разновидности наиболее глубоко исследованы представителями соответствующих направлений науки. Большое количество трудов посвящено, например, вопросам восстановления нарушенных функций организма и трудоспособности больных и инвалидов (медицинская реабилитация)[7], вопросам социальной адаптации осужденных, отбывших наказание, безнадзорных детей и детей сирот (социальная реабилитация)[8], вопросам реабилитации жертв политических репрессий (политическая реабилитация)[9], которые нашли свою реализацию на практике.

Что же касается правовой реабилитации, то это явление изучено слабо, нуждается в дальнейшем исследовании и комплексном законодательном закреплении в нормативно-правовых актах различных отраслей права.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению института реабилитации как правового явления, его значению, видам, а также характеристике реабилитации как правового института, необходимо найти определение данному институту, выражающее его сущность.

В переводе с позднелатинского реабилитация (rehabilitatio) означает «восстановление», где re – приставка, обозначающая возобновление, a habilitas – пригодность, способность[10].

---

[4] *Климова Г. З., Сенякин И. Н.* Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов, 2005. С. 115.

[5] Поскольку авторы настоящей работы ставят перед собой цель исследования института реабилитации как политико-правового явления, раскрытия содержания данного института, проблем, существующих в его теоретическом и практическом отражении, а также решения указанных проблем, такие виды реабилитации, как медицинская и социальная, не будут предметом исследования и термин «реабилитация» будет употребляться в его правовом значении. В связи с тем, что институт реабилитации тесным образом связан с политической реабилитацией и авторами будет проведен анализ данного явления в параграфе 3 настоящей главы, термин «реабилитация» в данном параграфе будет употребляться в его политическом значении.

[6] См., напр.: Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. Утв. ВС РФ 22 июля 1993 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 19.08.1993. № 33. Ст. 1318; Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Принят 20 июля 1995 г. // Российская газета. 02.12.1995. № 234.

[7] См., напр.: Большая медицинская энциклопедия. М.,1984. Т. 22.

[8] См., напр.: *Васильев Б.* Социальное обслуживание семьи и детей в России// Социальное обеспечение. 2001. № 3. С. 18; *Калинин Ю. М.* Краеугольная задача реформирования // Преступление и наказание. 2001. № 7. С. 5.

[9] См., напр.: *Кудрявцев В. И., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002.

[10] См.: Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1975. Т. 36. С. 138.

Впервые, по утверждению Н. И. Миролюбова, термин «реабилитация» употребил средневековый французский легист Bleynianus для обозначения древнейшего института помилования осужденного с восстановлением всех его прежних прав[11]. Таким образом, именно Франция может по праву называться родиной данного термина в его значении, близком к современному правовому пониманию реабилитации.

Занимающиеся поиском значений тех или иных слов, терминов и явлений современники-соотечественники, труды которых венчаются составлением словарей, объясняют значение термина «реабилитация» по-иному.

Авторы «Современного словаря иностранных слов», например, указывают, что реабилитация – это: «1) восстановление (по суду или в административном порядке) в правах; 2) восстановление доброго имени, прежней репутации; 3) мед. восстановление (или компенсация) нарушенных функций организма и трудоспособности больных и инвалидов, достигаемое применением комплекса медицинских, педагогических и социальных мероприятий»[12].

В толковом словаре Д. Н. Ушакова термин «реабилитация» раскрыт так: «1) в праве— восстановление в правах. По российскому праву реабилитацией лица, которое привлекалось в качестве обвиняемого, или было признано виновным по приговору суда, или подвергалось административному взысканию, считается вынесение оправдательного приговора при пересмотре дела, постановление (определение) о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием состава преступления или за недоказанностью участия в совершении преступления, а также постановление о прекращении дела об административном правонарушении; 2) в медицине – комплекс медицинских, педагогических, профессиональных мер, направленных на восстановление (или компенсацию) нарушенных функций организма и трудоспособности больных и инвалидов»[13].

По мнению С. И. Ожегова, реабилитация – это восстановление прежней незапятнанной репутации или восстановление в прежних правах[14].

Таким образом, реабилитация, в правовом ее смысле, по мнению современников – составителей словарей, это восстановление репутации и восстановление в правах.

В юридической литературе советского периода сложилось несколько представлений о реабилитации.

Так, одни авторы ассоциировали реабилитацию с самим фактом оправдания или прекращения дела по реабилитирующим основаниям, т. е. с наличием реабилитирующего решения[15], другие связывали реабилитацию с восстановлением прав и репутации граждан, подвергшихся необоснованному уголовному преследованию, иными словами – с правовыми последствиями реабилитирующего решения[16].

Согласно еще одной позиции, близкой к позиции авторов, высказывающих мнение о реабилитации как последствиях реабилитирующего решения, – она была высказана В. В. Бойцовой и Л. В. Бойцовой и представляется интересной с точки зрения полноты, соответствия современным принципам уголовного процесса и требованиям ст. 2 Конституции

---

[11] *Миролюбов Н. И.* Реабилитация как специальный правовой институт. Казань, 1902.С. 17.

[12] Современный словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М., 1983. С. 513.

[13] http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/252214

[14] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 583.

[15] См., напр.: *Безлепкин Б. Т.* Возмещение вреда, причиненного гражданину в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис… докт. юрид. наук. М., 1981; *Таджиев Т. Т.* Проблемы реабилитации в советском уголовном процессе: Автореф. дис… докт. юрид. наук. Ташкент, 1991.

[16] См., напр.: *Пастухов М. И.* Реабилитация невиновных. Основы правового института: Автореф. дис… докт. юрид. наук. Минск, 1993; *Прокудина Л. А.* Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов (научно-практический комментарий). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998; *Савицкий В. М.* По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию// Советское государство и право. 1965. № 9. С. 48–56; *Шило Н. Я.* Проблемы реабилитации на предварительном следствии. Ашхабад, 1981.

РФ, – под реабилитацией следует понимать возвращение утраченных прав и преимуществ, ликвидацию правоограничений, связанных с незаконным привлечением к уголовной ответственности, лишением свободы, неоправданным осуждением невиновных лиц, незаконным применением мер медицинского характера, а также восстановление правоспособности на будущее время[17].

В период, близкий по времени к принятию УПК РФ, также отмечаем, что авторы продолжают предлагать различные определения понятия реабилитации.

В. И. Антонов, например, полагает, что реабилитация выступает как форма реализации ответственности государства перед личностью, которая реализуется не только в аннулировании уголовно-правовых последствий осуждения, но и в восстановлении нарушенного права и возмещении ущерба, причиненного этим нарушением[18].

Однако вступивший в силу 1 июля 2002 г. УПК РФ в п. 34 ст. 5 закрепил определение реабилитации и основные положения института реабилитации, указав, что реабилитация – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

В связи с изложенным есть все основания утверждать, что законодатель воспринял точку зрения тех ученых, которые считают, что реабилитация представляет собой не само реабилитирующее решение, а его правовые последствия. При этом не следует забывать о значении самих реабилитирующих уголовно-процессуальных актов, представляющих собой юридические факты, с которыми законодатель связывает наступление определенных правовых последствий.

Представляется все же, что законодательное определение реабилитации, содержащееся в п. 34 ст. 5 УПК РФ, является верным. Причина кроется в компенсационной функции реабилитации, направленной на обеспечение восстановления нарушенных прав и возмещение вреда, причиненного лицу действиями должностных лиц органов государства, устранение любых препятствий для полноценной реализации лицом своих прав и свобод, о чем речь пойдет далее.

Таким образом, определение реабилитации получило законодательное закрепление, что, думается, стало причиной охлаждения полемики по поводу значения данного термина.

Сказанное, однако, не означает, что исследования и попытки формулирования авторских определений реабилитации прекратились вовсе, поскольку поиск истины всегда подвигал ученых к новым открытиям и новым идеям.

Например, А. В. Толстой понятие реабилитации раскрывает следующим образом: «Реабилитация представляет собой процессуальный порядок возмещения вреда и восстановления в правах лица, подвергнутого незаконному или необоснованному уголовному преследованию, признанного в установленном в законе порядке невиновным в совершении преступления»[19].

М. В. Максименко определяет реабилитацию как гарантированное государством восстановление нарушенных прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, возмещение такому лицу по его требованию в полном объеме причиненного имущественного вреда, а также компенсация неимущественного вреда[20].

---

[17] *Бойцова В. В., Бойцова Л. В.* Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах, Тверь, 1993. С. 7–8.

[18] *Антонов В. И.* Институт реабилитации и его уголовно-правовое значение: Автореф. дис…канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. С. 11.

[19] *Толстой А. В.* Соотношение институтов уголовного преследования и реабилитации // Уголовное судопроизводство. 2006. № 2. С. 29–31.

[20] *Максименко М. В.* Реабилитация в суде первой инстанции: Автореф. дис… канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 6.

Восстановление правового статуса и репутации лица, незаконно привлеченного к юридической ответственности, с возмещением причиненного ему вреда, в качестве определения реабилитации предлагает Г. З. Климова[21].

С сожалением приходиться констатировать, что в приведенных выше определениях все же нет чего-либо принципиально нового, отличающего их от определения, данного законодателем в уголовно-процессуальной норме.

Следует также отметить, что законодатель и судебные органы и ранее использовали термин «реабилитация».

Указанный термин, например, можно встретить в ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик[22] и ст. 5, 385 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР[23], а также в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 декабря 1988 г. № 15 «О некоторых вопросах применения в судебной практике Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. "О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей"»[24].

Законодателем данный термин ранее применялся и в нормативных актах, связанных с реабилитацией репрессированных народов и жертв политических репрессий[25], о чем также речь пойдет далее.

Интересно, что законодательство зарубежных стран тоже содержит термин «реабилитация», но его содержание во многом не соответствует понятию реабилитации, закрепленному в УПК РФ, а зачастую имеет вообще иное значение.

Например, во Франции термин «реабилитация» используется в значении возмещения ущерба, причиненного незаконным осуждением или арестом, и связывается с различными вариантами правовой реализации процедуры возмещения[26].

Законодательство Финляндии под реабилитацией понимает возмещение, выплачиваемое из государственных средств лицам, которые, будучи невиновными, были незаконно заключены под стражу или осуждены[27].

В федеральном законодательстве США данный термин означает возможность предъявления в Претензионном суде исков о возмещении ущерба, причиненного незаконным лишением свободы и осуждением, при этом истец должен доказать, что он не совершил вмененных ему в вину деяний либо что его деяния, акты или упущения, находящиеся в связи с обвинением, не представляют собой преступления, направленного против федерации, штата или округа Колумбия, и что возбужденное против него уголовное преследование не явилось следствием его неправильного поведения или небрежности[28].

Реабилитация по болгарскому и венгерскому праву близка к отечественному институту судимости: под реабилитацией понимается освобождение осужденного от порочащих последствий, связанных с судимостью, судом по ходатайству данного лица[29].

---

[21] *Климова Г. З., Сенякин И. Н.* Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов, 2005. С. 138.

[22] Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 577.

[23] Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 613.

[24] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 1.

[25] Ведомости СНД и ВС РСФСР. 02.05.1991. № 18. Ст. 572; Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31.10.1991. № 44. Ст. 1428 (соответственно).

[26] См.: *Лубенский А. И.* Возмещение ущерба, причиненного незаконным арестом и осуждением, по законодательству зарубежных стран // Законодательство зарубежных стран. 1980. Вып. 169. С. 28–34.

[27] Там же. С. 27–28.

[28] Там же. С. 19–20.

[29] См.: *Бойцова В. В., Бойцова Л. В.* Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах, Тверь, 1993. С. 5–6.

Говоря о различии значений термина «реабилитация» в законодательстве и праве зарубежных стран и отечественном законодательстве, В. В. Бойцоваи Л. В. Бойцова отмечают: «Одной из причин семантической неидентичности является то, что правовой институт реабилитации невинно осужденных возник и развился из института помилования. Под реабилитацией в западно-европейских странах во второй половине восемнадцатого столетия и в России в девятнадцатом веке понималось прекращение на будущее время всех праволишений, связанных с осуждением. Она не имела обратного значения и была направлена на восстановление правоспособности исправившихся преступников досрочно или же лиц, отбывших наказание, по истечении определенного срока»[30].

Возвращаясь к определению реабилитации, данному законодателем, и закреплению положений института реабилитации в УПК РФ, следует также отметить, что данная новелла была продиктована в том числе и нормами ст. 53 Конституции РФ, устанавливающей право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, и необходимостью для Российской Федерации соблюдать нормы международно-правовых актов.

Так, Конвенция против пыток и других жестоких и бесчеловечных, или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. в ч. 1 ст. 14 установила, что каждое государство-участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации[31].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в ч. 5 ст. 5 закрепила положение, согласно которому каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений упомянутой статьи, имеет право на компенсацию[32].

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., в ч. 5 ст. 9 также указал, что каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающее исковой силой; в ч. 6 ст. 14 названного пакта установлено правило, согласно которому если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине[33].

Римский статут Международного уголовного суда 1998 г., дополняя нормы, содержащиеся в упомянутых выше международно-правовых актах, в ч. 3 ст. 85 указал, что в исключительных обстоятельствах, когда Суд обнаруживает неоспоримые факты, свидетельствующие о наличии грубой и явной судебной ошибки, он может по своему усмотрению присудить компенсацию в соответствии с критериями, предусмотренными в Правилах процедуры и доказывания, лицу, которое было освобождено из-под стражи после окончательного решения об оправдании или прекращения производства по этой причине[34].

Подводя итог сказанному, констатируем, что принятие нового УПК РФ утвердило принцип ответственности государства перед личностью в сфере уголовного судопроизводства и закрепило понятие реабилитации.

---

[30] Там же. 1993. С. 6–7.

[31] Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 115–125.

[32] Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

[33] Вестник Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

[34] Собрание законодательства РФ. 2000. № 37. Ст. 3710.

Говоря о значении и сущности реабилитации как правового явления, думается, следует согласиться с мнением Л. В. Бойцовой, которая в значении реабилитации выделяет три ее основные функции: политическую, компенсационную и нравственную[35].

Политическая функция реабилитации состоит в том, что данный институт важен и необходим для формирования в России правового государства, в котором высшей ценностью является человек, его права и свободы, для развития и функционирования других институтов гражданского общества и, наконец, для того, чтобы российское государство достойно выглядело на международно-правовой арене, имея в своем арсенале мощные средства правовой защиты прав и свобод своих граждан, к каковым, по нашему мнению, и относится рассматриваемый институт.

Компенсационная функция реабилитации направлена на обеспечение восстановления нарушенных прав и возмещения вреда, причиненного лицу действиями должностных лиц органов государства, устранение любых препятствий для полноценной реализации лицом своих прав и свобод.

Нравственная функция реабилитации представляет собой осознание личностью своей защищенности со стороны закона и гарантий соблюдения его государством, осознание того, что государство ответственно за действия своих должностных лиц и выступает непосредственным ответчиком в случае наличия фактов нарушения прав, причинения вреда и установления препятствий для реализации лицом гарантированных ему Конституцией РФ прав и свобод.

Следует также отметить, что с точкой зрения Л. В. Бойцовой о значении и сущности реабилитации как правового явления согласны многие ученые[36].

Мы переходим к рассмотрению видов правовой реабилитации, каждому из которых будет уделено пристальное внимание в следующих главах работы. Думается, назрела необходимость ввести термин «реабилитация» в законодательство, регламентирующее порядок производства по делам об административных правонарушениях, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство, а также детально законодательно оформить порядок реализации института реабилитации в указанных отраслях права, в связи с чем полагаем, что реабилитация должна быть представлена в следующих процессуальных отраслях судопроизводства и, как следствие, классифицирована по соответствующему признаку:

1) в уголовном процессе;

2) в производстве по делам об административных правонарушениях;

3) в гражданском процессе;

4) в арбитражном процессе.

В литературе встречается точка зрения, согласно которой классификация должна быть произведена по отраслевому признаку и поставлена в зависимость от вида юридической ответственности[37]. Такое деление имеет право на существование, однако представляется не совсем верным.

Во-первых, реабилитация состоит из двух составляющих, где первая – это право лица на признание и устранение последствий ошибки, допущенной должностным лицом государственного органа при производстве по тому или иному делу, находящемуся в его производстве, и заключающееся в принципе ответственности государства за действия своих должностных лиц (материальная составляющая), а вторая – это процесс признания и устранения

---

[35] См.: *Бойцова Л. В.* Реабилитация незаконно осужденных граждан. Л., 1990. С. 12.

[36] См., напр.: Уголовно-процессуальное право России: Учебник/ Отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2005.

[37] *Климова Г. З., Сенякин И. Н.* Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов, 2005. С. 191. В своей работе авторы выделяют уголовно-правовую, административно-правовую, гражданско-правовую и дисциплинарную реабилитацию.

последствий ошибки, допущенной должностным лицом государственного органа при производстве по тому или иному делу, находящемуся в его производстве, также заключающийся в принципе ответственности государства за действия своих должностных лиц (процессуальная составляющая).

Судя по предложенной в литературе классификации, в ее основу положена именно первая составляющая реабилитации.

Однако авторами данной классификации не учтено то обстоятельство, что материальная составляющая не может быть классифицирована, поскольку названное право едино, неделимо, и в какой бы отрасли материального права данная составляющая ни находила свое место, заложенная в нее правовая норма останется неизменной.

Другое дело, когда в основу классификации положена вторая, процессуальная составляющая, деление реабилитации согласно которой на виды будет соответствовать существующим направлениям российского судопроизводства.

Необходимость именно такой классификации объясняется тем, что, как мы уже отмечали ранее и как более подробно будет сказано в следующих главах настоящей работы, реабилитация как явление многогранна и многоаспектна, ошибки должностных лиц государственных органов, причиняющие вред, влекущий или могущий повлечь за собой применение правовых последствий реабилитации, возникают лишь в сфере публично-правовых отношений, где в качестве одной из сторон выступает государство. Данные отношения заложены в соответствующие процессуальные отрасли права, или отрасли права, предусматривающие процессуальный порядок построения взаимоотношения гражданин – государство. К таковым относятся: уголовно-процессуальное право; административное право, использующее собственный, отличный от других видов процесса, порядок производства по делам об административных правонарушениях, несмотря на его фрагментарную законодательную регламентацию разными процессуальными отраслями права; гражданско-процессуальное право и арбитражно-процессуальное право.

Во-вторых, институты юридической ответственности и реабилитации не имеют между собой ничего общего, так как юридическая ответственность, в соответствии с ее определением, данным в теории права, есть необходимость лица подвергнуться мерам государственного принуждения за совершенное правонарушение[38]. Исходя из приведенного определения, моментом возникновения юридической ответственности является момент совершения лицом правонарушения. Следовательно, если лицо не совершало никакого правонарушения, оно не может быть субъектом ответственности, а приведенная в литературе классификация противоречит данному положению.

Например, рассуждая о юридической ответственности в уголовном праве, авторы одного из учебников по данной дисциплине заключают, что в случае, когда совершается преступление, т. е. имеет место юридический факт, возникает конкретное уголовно-правовое отношение и лицо, совершившее преступление, становится обязанным подвергнуться предусмотренному законом государственно-правовому воздействию; при этом лицо само сделало себя обязанным, а у государства появилось, в связи с этим, право применения к указанному лицу такого воздействия[39]. Таким образом, заключают авторы, без обязанности лица, совершившего преступление, не может быть уголовной ответственности, в противном случае применение уголовной ответственности будет незаконным[40]. Авторы указывают и на то обстоятельство, что обязанность лица подвергнуться воздействию еще не есть ответ-

---

[38] См.: *Малько А. В.* Теория государства и права в вопросах и ответах: Учебно-методическое пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 192.

[39] См.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник/ Отв. ред. докт. юрид. наук Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 67.

[40] Там же.

ственность, ведь обязанность может и не быть реализована, скажем, если преступление не было раскрыто, хотя бы к лицу и применялись меры принуждения в виде содержания под стражей[41].

В связи с изложенным заключаем, что только вступивший в законную силу обвинительный приговор суда может возложить на конкретное лицо уголовную ответственность за совершенное преступление и, соответственно, если отсутствует вступивший в законную силу обвинительный приговор суда, то лицо не несло уголовной ответственности.

Следует также отметить, что правовой институт освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве, применяемый только в отношении виновных в совершении преступления, т. е. при наличии в действиях лица состава преступления, не имеет места в отношении невиновных лиц, на которых распространяет свое действие институт реабилитации.

Итак, оперируя термином «институт реабилитации», необходимо дать характеристику реабилитации с точки зрения возможности ее отнесения к институту права.

В зависимости оттого, какие общественные отношения регулируют нормы права, они объединяются в обособленные группы: отрасли права, подотрасли права и правовые институты.

Правовой институт представляет собой меньшую единицу деления правовых норм и в теории права выступает как элемент отрасли права, как совокупность юридических норм, регулирующих однородную группу общественных отношений.

Отличаются институты права друг от друга присущими им предметом и методом правового регулирования.

Под предметом правового регулирования понимаются те общественные отношения, которые регулируются правом, под методом правового регулирования – юридические средства и способы обеспечения и выполнения предписаний правовых норм, при этом в теории права выделяют автономный (диспозитивный) и императивный (авторитарный) методы правового регулирования[42].

Автономный (диспозитивный) метод позволяет участникам правоотношений самостоятельно определять тот или иной вариант поведения в рамках, установленных нормами права, и характеризуется относительной свободой поведения сторон, их равным положением в правовых отношениях, в то время как императивный (авторитарный) метод предполагает использование властных правовых предписаний, которые устанавливают порядок возникновения конкретных прав и обязанностей у субъектов правоотношений[43].

Так, предметом правового регулирования института реабилитации являются отношения по восстановлению прав и возмещению ущерба, причиненного лицу незаконными или необоснованными действиями должностных лиц; субъектами здесь выступают, с одной стороны – личность, чьи права нарушены или попраны либо которой причинен ущерб действиями должностных лиц, и государство – с другой.

Метод правового регулирования, присущий рассматриваемому институту – императивный, характеризующийся использованием властных правовых предписаний, находящих свое место главным образом в процессуальном законодательстве и устанавливающих порядок возникновения конкретных прав и обязанностей у субъектов реабилитационных правоотношений.

---

[41] Там же. С. 68.

[42] См.: Правоведение: Учебник для вузов / Под ред. М. И. Абдуллаева. М., 2004. С. 102.

[43] Там же. С. 103.

Таким образом, подводя итог, можно заключить, что реабилитация как совокупность однопорядковых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений, является институтом права.

2. Отраслевая принадлежность института реабилитации

Споры вокруг отраслевой принадлежности института реабилитации давно ведутся представителями различных направлений юридической научной мысли, и разговоры о том, что принятие УПК РФ поставило точку в этих спорах, определив уголовно-процессуальную природу института реабилитации[44], преждевременны.

Между тем определение отраслевой принадлежности института реабилитации представляется принципиальным моментом, поскольку оно создает почву для построения дальнейших предложений, направленных на совершенствование соответствующего законодательства.

Исследуя существующие в юридической науке мнения об отраслевой природе института реабилитации, можно выделить следующие подходы:

1) отнесение института реабилитации к уголовно-процессуальному праву и к различным материальным отраслям права, за исключением права гражданского;

2) отнесение института реабилитации к гражданскому праву и к другим материальным отраслям права, отрицание связи с уголовным процессом;

3) отнесение института реабилитации и к уголовно-процессуальному, и к гражданскому, и к другим материальным отраслям права.

Первый подход, согласно которому институт реабилитации есть не что иное, как составной элемент уголовно-процессуального права, активно поддерживается учеными-процессуалистами.

В своих работах Б. Т. Безлепкин указывает, что правовые нормы о возмещении реабилитированному морального и имущественного ущерба содержат все существенные черты уголовно-процессуальных норм[45]. В обоснование автор приводит следующие доводы:

1) отношения по возмещению морального и имущественного вреда производны и связаны с предшествующими им уголовно-процессуальными отношениями, складывающимися по поводу обвинения гражданина в совершении преступления;

2) субъектный состав государство – гражданин, а также положение, согласно которому ущерб подлежит возмещению независимо от вины причинителя, нетипичны для гражданско-правовых отношений;

3) положения института реабилитации тесно связаны с задачами уголовного судопроизводства;

4) императивный метод правового регулирования и наличие публичного начала, которые присущи уголовно-процессуальному праву;

5) процессуальный порядок реализации положений института реабилитации.

Что же касается восстановления трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного, то эти отношения, по мнению ученого, регулируются нормами соответствующих отраслей права[46].

Точку зрения Б. Т. Безлепкина разделяют и поддерживают другие процессуалисты[47].

---

[44] См., например: *Подопригора А. А.* Реабилитация в уголовном процессе России: Автореф. дис…. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 10; *Орлова М. В.* Спорные вопросы реабилитации невиновных по уголовным делам // Российский следователь. 2005. № 2. С. 4–6.

[45] *Безлепкин Б. Т.* Возмещение ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. М., 1985. С. 37.

[46] Там же. С. 37–39.

[47] См., напр.: *Касумов Ч. С.* Последствия реабилитации по советскому праву. Баку, 1991; *Полякова М. Ф.* Возмещение имущественного ущерба в случаях реабилитации – одна из гарантий прав личности в советском уголовном процессе. М.,

Так, Л. А. Прокудина, отмечая уголовно-процессуальную природу института реабилитации, указывает: «Возмещение ущерба неразрывно связано с задачами, стоящими перед уголовным судопроизводством, поэтому отрывать его от породивших уголовно-процессуальных отношений и помещать в гражданско-правовую сферу неоправданно»[48].

Однако наиболее обоснованными и логичными представляются следующие доводы: во-первых, в правоотношениях по поводу возмещения ущерба между государством в целом и конкретным гражданином не может быть равенства субъектов, характерного для способа гражданско-правового регулирования, основанного на равенстве субъектов, свободе волеизъявления и судебном разрешении споров, а во-вторых, о правонарушении, вине и юридической ответственности можно говорить лишь применительно к должностным лицам судебно-следственных органов, чьи действия находятся в причинной связи с наступлением вреда, а не о государстве, которое не может быть виновно, не может быть правонарушителем, а лишь берет на себя обязательства возместить ущерб, что обусловлено конституционной обязанностью государства обеспечить охрану интересов, прав и свобод граждан[49].

Второй подход, в рамках которого акцент в определении отраслевой принадлежности института реабилитации смещается в сторону гражданского права, принадлежит цивилистам.

По представлениям цивилистов, системно сформулированным в трудах Т. М. Медведевой, правоотношения по возмещению вреда реабилитированному находят свое место среди прочих гражданско-правовых институтов и характеризуются следующими чертами:

1) являются имущественными;

2) возникают только по инициативе самих граждан;

3) находят закрепление в нормах гражданского законодательства[50].

Одним из главных доводов Т. М. Медведевой в поддержку такого подхода является отрицание наличия у уголовно-процессуального права компенсационной функции и отсутствие закрепления института реабилитации в уголовно-процессуальном законодательстве.

Автор отмечает: «Возмещение вреда (в том числе потерпевшему в результате незаконных действий должностных лиц судебно-следственных органов) – институт, в котором наиболее ярко находит свое выражение компенсационная функция гражданского права. Уголовному процессу данная функция не присуща, здесь можно обнаружить лишь ее отдельные проявления…» И далее: «Важное значение имеет и то обстоятельство, что рассматриваемые отношения находят свое законодательное закрепление в нормах гражданского, а не уголовно-процессуального права»[51].

Данную позицию поддержали многие цивилисты, исследовавшие вопросы возмещения вреда[52].

Однако в связи с тем, что поддержка и обоснование указанного подхода имели место в 80-е годы, когда процессуальное законодательство было совсем иным, думается, он изжил себя с принятием УПК РФ, который установил, что реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, в той же мере отвечает назначению уголов-

---

1986.

[48] *Прокудина Л. А.* Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов (научно-практический комментарий). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 15.

[49] Там же. С. 13.

[50] *Медведева Т. М.* Возмещение ущерба, причиненного правоохранительными органами (ч. 2 ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). Саратов, 1983. С. 6.

[51] Там же. С. 9–10.

[52] См., напр.: *Белякова А. М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М., 1986. С. 144–147; *Маркова М. Г.* Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями в правоохранительной сфере // Проблемы гражданского права. Л., 1987. С. 165–172; *Ярошенко К. В.* Возмещение вреда, причиненного гражданам действиями должностных лиц// Советское государство и право. 1982. № 8. С. 135–142.

ного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, опровергнув тем самым доводы об отсутствии официального закрепления института реабилитации и отсутствии компенсационной функции у уголовно-процессуального законодательства.

Наряду с приведенными точками зрения на отраслевую принадлежность института реабилитации, следует упомянуть мнение Л. В. Бойцовой, соответствующее третьему подходу, согласно которому предметом правового института реабилитации являются как процессуальные отношения, так и материальные отношения, регулируемые разными отраслями права[53].

Отмечая комплексный характер нормореабилитации, Л. В. Бойцова указывает, что отношения по возмещению ущерба, восстановлению нарушенных прав реабилитируемых должны исследоваться на межотраслевом и конституционно-правовом уровне, поскольку «это позволяет отказаться от механического перенесения положений гражданского права в область публичного и осознать не только компенсационные, но и более широкие юридические, социальные, политические, нравственные цели ответственности государства, поставить проблему на уровень публичной политики власти»[54].

Следует также отметить, что в литературе встречается уголовно-правовой подход к отраслевой природе института реабилитации[55].

Таким образом, приведенные выше различные взгляды ученых-юристов на правовую природу института реабилитации говорят об отсутствии единой точки зрения по данному вопросу.

Кроме того, авторы при определении отраслевой принадлежности институтареабилитации за основу исследования берут в первую очередь общественные отношения, лежащие в основе правового института (как иначе объяснить, что институт реабилитации они в одном случае относят к уголовному процессу, а в другом – к гражданскому праву), затем – предпринимают попытку установить принадлежность данного института к определенной отрасли права, используя индуктивный и дедуктивный методы познания. Между тем для определения отраслевой принадлежности того или иного правового института необходимо использовать метод сравнения, проводя тщательное исследование рассматриваемого института с позиции теории права и вида общественных отношений, которые он призван регулировать, и сопоставляя с общественными отношениями, входящими в предмет правового регулирования различных отраслей права. Необходимость применения при исследовании отраслевой принадлежности того или иного правового института метода сравнения связана с тем, что в теории права институты права, являясь более мелкими образованиями, входящими в отрасли права, и сами отрасли права при их тождестве имеют один и тот же предмет и метод правового регулирования.

Например, В. С. Нерсесянц указывает, что отрасль права – это совокупность однопорядковых норм, регулирующих определенный род общественных отношений, а правовые институты, регулирующие определенные виды общественных отношений, составляют в совокупности отрасль права, при этом отнесение общественных отношений к той или иной отрасли права либо тому или иному правовому институт производится в зависимости от предмета и метода правового регулирования[56].

---

[53] См.: *Бойцова Л. В.* Уголовная юстиция: гражданин – государство. Тверь, 1994. С. 29–30.

[54] *Бойцова Л. В.* Реабилитация необоснованно осужденных граждан: Автореф. дис… канд. юрид. наук. Л., 1990. С. 15.

[55] *Антонов В. И.* Институт реабилитации и его уголовно-правовое значение: Автореф. дис… канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. С. 14.

[56] *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 431.

В юридической науке различают отрасли и институты материального права, регулирующие исходные права и обязанности субъектов права в определенной сфере общественных отношений, а также отрасли и институты процессуального права, регулирующие порядок и процедуры реализации норм материального права и определяющие права и обязанности субъектов процессуально-правовых отношений.

Кроме того, классификация права проводится по двум группам: частное право, призванное регулировать отношения между частными лицами, и публичное право, регламентирующее порядок деятельности органов государственной власти и подчинения и призванное регулировать отношения частных лиц с государством либо между государственными органами.

Уголовно-процессуальное право – это совокупность однопорядковых норм, регулирующих деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Предметом правового регулирования здесь выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства, правовое регулирование осуществляется императивным методом. Уголовно-процессуальное право является публичным и представляет собой процессуальную отрасль права.

Гражданско-процессуальное право – это совокупность однопорядковых норм, регулирующих гражданско-процессуальные действия и правоотношения, складывающиеся между судом и другими участниками процесса при осуществлении правосудия по гражданским делам. Предметом правового регулирования здесь выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере гражданского судопроизводства, методом правового регулирования является императивно-диспозитивный. Гражданско-процессуальное право в зависимости от вида производства является и материальным, будучи представлено исковым производством, и публичным, будучи представлено производством по делам, возникающим из публичных правоотношений, и представляет собой процессуальную отрасль права.

Арбитражно-процессуальное право – это совокупность одно-порядковых норм, регулирующих деятельность арбитражного суда и других заинтересованных субъектов, связанную с осуществлением правосудия по делам, отнесенным к ведению арбитражных судов. Предметом правового регулирования здесь выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере гражданского судопроизводства, методом правового регулирования – императивно-диспозитивный. Арбитражно-процессуальное право в зависимости от вида производства является и материальным, будучи представлено исковым производством, и публичным, будучи представлено производством по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, и представляет собой процессуальную отрасль права.

Административное право – это совокупность однопорядковых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в сфере государственного управления, то есть отношения власти и подчинения. Нормы административного права регулируют отношения, устанавливающие принципы организации и деятельности исполнительных органов государственной власти, систему этих органов, их структуру и полномочия. Административное право устанавливает, какие общественно опасные деяния являются административными правонарушениями, определяет меры административных взысканий за эти проступки и систему органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. Предметом правового регулирования здесь выступают отношения, возникающие в сфере государственного управления, методом правового регулирования является императивный. Административное право является публичным и представляет собой комплексную материально-процессуальную отрасль права, причем процессуальная его часть находит свое выражение в нормативно-правовых актах административного права и нормативно-правовых актах гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства.

Уголовное право – это совокупность однопорядковых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие между государством (в лице уполномоченных органов) и лицом, совершившим запрещенное законом под страхом применения уголовного наказания деяние, содержащее признаки конкретного состава преступления. Предметом правового регулирования здесь выступают отношения, возникающие между государством (в лице уполномоченных органов) и лицом, совершившим запрещенное законом под страхом применения уголовного наказания деяние, содержащее признаки конкретного состава преступления, методом правового регулирования является императивный. Уголовное право является публичным и представляет собой материальную отрасль права.

Гражданское право – это совокупность однопорядковых норм, регулирующих имущественные и связанные с ними некоторые личные неимущественные отношения. Предметом правового регулирования здесь выступают имущественные отношения (подразделяются на вещные и обязательственные отношения) и личные неимущественные отношения, имеющие своим предметом нематериальные блага (честь, достоинство, доброе имя, деловая репутация, право авторства), методом правового регулирования является диспозитивный. Гражданское право является частным и представляет собой материальную отрасль права.

Переходя к сравнению института реабилитации с перечисленными отраслями права, следует напомнить, что предметом правового регулирования института реабилитации являются отношения по восстановлению прав и возмещению ущерба, причиненного лицу незаконными или необоснованными действиями должностных лиц, где субъектами выступают, с одной стороны – личность, чьи права нарушены или попраны либо которой действиями должностных лиц причинен ущерб, и государство – с другой. Метод правового регулирования, присущий рассматриваемому институту, – императивный, характеризующийся использованием властных правовых предписаний, находящих свое место главным образом в процессуальном законодательстве и устанавливающих порядок возникновения конкретных прав и обязанностей у субъектов реабилитационных правоотношений.

Следует также обратить внимание на то, что в настоящее время институт реабилитации находит свое выражение в нормах процессуального законодательства, а именно его уголовного направления, при этом законодатель включил в УПК РФ норму о гражданско-процессуальном порядке возмещения морального вреда и обжалования судебных решений в случаях, если требование о возмещении вреда, восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением.

Нормы института реабилитации в уголовно-процессуальном законодательстве включают в себя, в соответствии со ст. 133 УПК РФ, право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

При этом следует учитывать следующее:

1) возмещение имущественного вреда регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства, хотя элементы, составляющие имущественный вред, находятся в правовом поле гражданского права;

2) процедура устранения последствий морального вреда частично регулируется нормами уголовно-процессуального, но главным образом – нормами гражданско-процессуального законодательства, при этом моральный вред находится в правовом поле гражданского права;

3) каждое из прав, подлежащих восстановлению, закреплено соответствующим материально-отраслевым законодательством.

Таким образом, говоря об институте реабилитации как о самостоятельном институте права, заключаем, что внутренне он представляет собой комплексный институт права, эле-

менты которого относятся к различным материальным и процессуальным отраслям права, а внешняя его форма носит процессуально-публичный характер, что подтверждается его законодательным закреплением в процессуальной отрасли права.

При этом процессуальная природа внешнего выражения института реабилитации объясняется тем, что отношения между государством и личностью регламентируются различными отраслями законодательства в виде установленных в нормативно-правовых актах процедур, определяющих порядок такого взаимодействия и имеющих процессуальную форму.

Учитывая, что должностными лицами государственных органов права личности могут быть нарушены или попраны и вред может быть причинен при осуществлении правосудия в рамках уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства, в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а также при осуществлении должностными лицами государственных органов уголовного преследования, в рамках уголовно-процессуальной деятельности и административного производства, в рамках производства по делам об административных правонарушениях, мы находим сходство института реабилитации по предмету правового регулирования и полное тождество по методу правового регулирования, публичному и процессуальному характеру института со следующими отраслями права:

1) уголовно-процессуальным правом;

2) административным правом;

3) гражданско-процессуальным правом;

4) арбитражно-процессуальным правом.

Таким образом, есть все основания утверждать, что институт реабилитации является межотраслевым правовым институтом.

В связи с изложенным полагаем, что назрела необходимость законодательного закрепления института реабилитации в административном, гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве.

Подводя итог и учитывая проведенный анализ отраслевой принадлежности института реабилитации, следует дополнить вывод, к которому мы пришли ранее, говоря о данном явлении как об институте права, следующим определением: реабилитация как совокупность однопорядковых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений, представляет собой межотраслевой комплексный институт права.

3. Понятие и содержание политической реабилитации

Говоря о реабилитации необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и необоснованно подвергшихся наказанию и репрессиям, необходимо, особенно с учетом российской истории, выделить и понятие политической реабилитации.

Рассматривая понятие и содержание политической реабилитации, Г. З. Климова и И. Н. Сенякин понимают под ней восстановление прав граждан и народов, подвергшихся мерам государственного принуждения по политическим или религиозным мотивам; по мнению ученых, это комплексная проблема[57]. В. Н. Кудрявцев и А. И. Трусов обоснованно отмечают, что, рассматривая вопросы репрессий по политическим, социальным и религиозным мотивам, следовало бы вместо термина «реабилитация» использовать понятие более широкое, как оно дано в законе, а именно – «восстановление всех прав жертв политических репрессий»[58]. Думается, это совершенно правильное предложение.

Преследование по политическим, социальным и религиозным мотивам имело место не только в России и не только в период советской власти.

По мнению многих исследователей, деятельность политической юстиции и политические репрессии, в том числе и в России, имеют более глубокие корни в истории.

В Судебнике 1497 г. государственные преступники были отнесены к «государственным убийцам и крамольникам», подлежащим смертной казни[59].

В Соборном уложении 1649 г. ряд статей предусматривал смертную казнь за совершение политических преступлений: «злостное умышление против государя», «непристойные речи» и пр.[60]

В Уголовном уложении 1903 г. политическим преступлениям было посвящено 30 статей[61].

Например, глава III «О бунте против верховной власти» предусматривала смертную казнь «за посягательство на императора или члена императорского дома, на извержение императора с престола или на "лишение" его власти верховной или на ограничение прав оной»[62].

Исследователи полагают, что предварительное расследование политических дел проводилось царским правительством необъективно и пристрастно, практиковались фальсификация документов, допросы с пристрастием, пытки, провокации[63].

Главную репрессивную роль в делах о политических преступлениях играли военно-полевые суды, которые были учреждены Положением Совета Министров от 19 августа 1906 г. для борьбы с революционным движением.

По данному «закону» военно-полевому суду мог быть предан человек, совершивший любое преступление, если оно было «очевидным» и не нуждалось в расследовании. Военно-полевой суд рассматривал дело немедленно, без участия обвинения и защиты. Приговор представлялся на утверждение генерал-губернатору или командующему войсками. Большинство обвиняемых приговаривались к смертной казни.

---

[57] *Климова Г. З., Сенякин И. Н.* Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов, 2005. С. 129–130.

[58] *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. С. 357.

[59] История государства и права зарубежных стран: Хрестоматия/ Авт. – сост. Н. Н. Ягур, Минск, 2004. С. 215.

[60] Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 3. / Под ред. А. Г. Манькова. М., 1985. С. 285–297.

[61] Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 9 / Под ред. О. И. Чистякова. М., 1994. С. 275–320.

[62] Там же. С. 300–302.

[63] См., напр.: *Полянский Н. Н.* Царские военные суды в борьбе с революцией. 1905–1907 гг. М., 1958. С. 150.

В период с 1902 по 1912 г. к военному суду за государственные преступления было привлечено 35 353 человека[64], а за восемь месяцев 1906–1907 гг. к смертной казни приговорены 1102 человека[65].

Известный криминалист М. Н. Гернет указывал, что за период с 1826 по 1917 г. в Российской империи по политическим мотивам было казнено свыше 9 тыс. человек[66].

Нельзя не согласиться с мнением исследователей, что карательные меры, предпринимавшиеся царским правительством против его политических противников, в дальнейшем, после революции, послужили образцом для пришедших к власти большевиков[67].

Нет необходимости давать подробный анализ этой практики. Однако в период существования Советского государства репрессии по идеологическим мотивам получили такой размах, что политическая реабилитация стала видом, который занял существенное место в развитии самого понятия «реабилитация», зачастую подменяя последнее.

Это вызвано небывалым размахом репрессий как в судебном, так и во внесудебном порядке, которые имели место в период существования советской власти, в период так называемого «культа личности Сталина», особенно в тридцатые и в начале пятидесятых годов прошлого века.

По данным проведенных исследований, в судебном и внесудебном порядке было репрессировано более шести миллионов человек, причем по данным начальника архивного отдела Министерства государственной безопасности, которые в основном подтвердил и начальник КГБ В. Крючков, 827 955 человек было расстреляно[68].

Эти данные, разумеется, не отражают действительного положения, поскольку точное число репрессированных «тройками» и особыми совещаниями, по-видимому, не учитывалось. Не учтены и репрессированные военнопленные, которые после освобождения из плена вновь заключались в лагеря, зачастую без судебного решения и на длительные сроки. Также были репрессированы многие народы: их высылали с мест постоянного проживания.

В стране была создана политическая юстиция, которая действовала, по сути, вне закона, зачастую на основании нормативных актов Правительства и Политбюро ЦК КПСС. Не согласно закону, а вопреки ему судами принимались решения и выносились приговоры. Немало таких дел имело место и в Ленинграде. Рассмотрим несколько из них.

Постановлением «тройки» УНКВД по Ленинградской области от 13 сентября 1937 г. двадцатилетний Федулов[69] был заключен в исправительно-трудовой лагерь на десять (!) лет.

В постановлении «тройки» указано, что Федулов был задержан на Обводном канале «среди деклассированного элемента». Вот и вся вина…

В ходе проверки, проведенной прокуратурой, было установлено, что Федулов никаких преступлений не совершал. «Следствие» по его делу продолжалось всего семь дней. Обвиняемому вообще не было предъявлено никаких обвинений.

Постановлением «особого совещания» при НКВД от 23 мая 1940 г. Спиридонова, которой исполнилось всего лишь восемнадцать лет, была осуждена как «социально опасный элемент» на восемь лет лишения свободы. «Прегрешения» Спиридоновой заключались в одном – она была знакома с гражданами, привлеченными к уголовной ответственности за квартирные кражи.

---

[64] *Иванов Г. М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 11.

[65] *Полянский Н. Н.* Царские военные суды в борьбе с революцией. 1905–1907 гг. М., 1958. С. 215.

[66] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1956. Т. 5. С. 248.

[67] *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. С. 35.

[68] См.: Там же. С. 329–335.

[69] Здесь и далее фамилии незаконно осужденных изменены.

В ходе проверки, проведенной прокуратурой, было установлено, что с лицами, совершившими эти корыстные преступления, были знакомы все жильцы дома, где они проживали, но никто, включая незаконно осужденную, не знал об их преступной деятельности.

Постановлением «особого совещания» при МВД СССР от 30 декабря 1949 г. вся семья Проносовых: семидесятилетний отец, шестидесятилетняя мать и тринадцатилетняя дочь осуждены к наказанию от пяти до двадцати лет каторжных работ лишь за то, что будучи высланы из южных областей страны, где у них был дом и приусадебное хозяйство, выехали с места «спецпоселения» в Ленинград, не имея на это особого разрешения, и возвращаться для постановки на «спецучет» не пожелали. Никто из Проносовых преступлений не совершал, они были высланы со своего постоянного места жительства исключительно по национальному признаку.

Постановлением «особого совещания» при НКВД СССР от 17 мая 1940 г. восемнадцатилетний Потапов был заключен в исправительно-трудовой лагерь на пять лет как «социально опасный (вредный) элемент».

Вот что написал пенсионер Потапов в прокуратуру: «Прошу вынести решение о законности моего ареста в 1940 г., так как я никаких преступлений не совершал.

Меня арестовали и доставили в "Кресты", где сидело трое военных, перетянутых крест накрест ремнями. Они зачитали мне приговор (суда не было). Эта процедура много времени не занимала, каждый из нас выходил из кабинета и говорил товарищам: "10 или 8 лет заключения".

Когда подошла моя очередь, я зашел в кабинет. Военные, может быть, увидев, что перед ними очень маленький, худой и болезненный парнишка, меня пожалели и объявили только 5 лет лагерей.

В товарных вагонах арестантского поезда нас отправили этапом из Ленинграда в Молотовск. Там был большой пересыльный лагерь. Весь путь я думал о самом дорогом для меня человеке – маме, которая, так и не дождавшись меня, умерла во время блокады зимой с 1941 на 1942 год.

Дальше нас, арестантов, собрали целый этап и отправили поездом в Архангельск. В порту посадили на пароход "Свияга", загнали в трюмную яму, закрыли сверху крышками и повезли через Баренцево море, держа курс в устье реки Печора. В пути потрепал нас шторм, и многих товарищей по несчастью мы не досчитались. Высадили арестантов на берегу Ледовитого океана, затем погрузили на баржи, и небольшой колесный буксир, не торопясь, потащил нас вверх по Печоре.

Когда прибыли к месту заключения, наверное, добрая половина арестантов умерла. Я же чудом выжил, хоть и сильно болел.

Работали мы на угольной шахте, там и жили. Самыми страшными врагами для заключенных были долгая зима и цинга, от которой многие умерли. И тут мне повезло – снова выжил.

Мы, заключенные, много раз писали письма высокому начальству с просьбой отправить нас в действующую армию – на фронт, но ответов так и не дождались.

Свой срок я отбыл до конца, все пять лет. Освободился, когда началась ранняя весна, мой путь лежал по зимней дороге, по льду вниз по Печоре. Надо было пройти 200 километров в одиночку. Шел от деревни к деревне, чтобы выжить, необходимо было в день проходить по 30–40 километров. Но и тут мне повезло…

После освобождения еще 10 лет жил на Севере, так как в паспорте стояло клеймо – "запрещено жить в больших городах"».

По результатам проверки, проведенной прокуратурой, установлено, что Потапов никаких преступлений не совершал. Он был полностью реабилитирован.

В марте 1942 г. пятнадцатилетний Розенберг был выселен из Ленинграда и направлен на спецпоселение в Красноярский край.

В том же году Розенберг попал в больницу г. Енисейска, так как еще во время блокады Ленинграда страдал дистрофией и болезнью позвоночника. Был признан инвалидом I группы.

В 1946 г. Розенберга под наблюдением медицинской сестры направили на лечение в Крым, а затем в г. Нальчик.

После окончания курса лечения Розенберг, который уже мог самостоятельно передвигаться с помощью протеза позвоночника, выехал в Москву, где получил направление для поступления на учебу в Ленинградский индустриальный техникум.

В паспортном столе он узнал, что немцев в Ленинграде не прописывают, и в метрическом свидетельстве, при получении его копии, заменил национальность на эстонца.

Прямо на экзамене 13 мая 1949 г. Розенберг был арестован и постановлением «особого совещания» заключен в лагерь на двадцать пять (!) лет каторжных работ.

Таким образом, был наказан неизвестно за что юноша-инвалид, который в течение шести месяцев 1941 г. участвовал в оборонительных мероприятиях по защите Ленинграда от фашистов.

«Обращаюсь к Вам, – писал Розенберг в своем письме в прокуратуру, потому, что имею детей и внуков и не хочу, чтобы черное пятно биографии деда когда-либо обернулось для них неприятностью.

Я прошел все, выстоял, выжил, более двадцати лет работал директором предприятий лесной промышленности, имею правительственные награды и персональную пенсию под старость…»

Президиум городского суда по протесту прокурора отменил незаконное постановление «особого совещания». Розенберг был признан невиновным и реабилитирован[70].

Система политической юстиции стала изживать себя в СССР в середине прошлого века, после смерти Сталина. Этому, кроме смерти Сталина, способствовал целый ряд причин и условий. Во-первых, задачи, которые ставились перед политической юстицией, были выполнены: уничтожены эксплуататорские классы, подавлена оппозиция. Страна победила в Великой Отечественной войне, был разгромлен фашизм, постепенно стала изменяться психология населения, оно стало более грамотным. Были приняты важные документы Организацией Объединенных Наций, в частности: Всеобщая декларация прав человека, Международные акты о гражданских, политических, социальных и культурных правах. Среди профессионалов выросло и заявило о себе новое поколение, не запятнавшее себя массовыми репрессиями[71]. Смерть Сталина способствовала разрушению системы политической юстиции, реабилитации незаконно репрессированных людей и народов, восстановлению их прав. Разрушение политической юстиции способствовало и укреплению законности в стране. Уничтожению же системы политической юстиции и реабилитации репрессированных по политическим, религиозным мотивам со своей стороны, способствовало принятие ряда законодательных актов и Указов Президиума Верховного Совета СССР в 1953 и 1954 гг. Были упразднены особые совещания, установлен упрощенный порядок судебной реабилитации. Специальными Постановлениями Совета Министров СССР были решены сложные вопросы исчисления трудового стажа реабилитированных граждан, назначения им пенсий, предоставления льгот и обеспечения жилой площадью.

Однако важнейшее значение для окончательного решения вопросов политической реабилитации имеет закон, принятый уже после распада Советского Союза, – Закон РСФСР «О

[70] Архив прокуратуры Санкт-Петербурга.

[71] *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. С. 337–338.

реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г., а также последующие законы, Постановления Правительства РФ и Указы Президента РФ.

Были реабилитированы и восстановлены в правах незаконно репрессированные народы и категории советских граждан.

Реабилитация продолжается и до сего времени, причем отказ в реабилитации может быть обжалован в суде. Весь этот процесс способствует укреплению законности в стране.

Вместе с тем, как отмечается в литературе, и это необходимо иметь в виду, процесс реабилитации жертв политической юстиции не должен пониматься как всепрощение и как отказ государства от борьбы с теми, кто посягает на политический и общественный строй, на интересы Российской Федерации[72].

[72] См., напр.: *Кудрявцев В. И., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. С. 343–349; *Алексеев А. И., Овчинский В. С, Побегайло Э. Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 70–78.

Глава 2
Становление института реабилитации

1. Зарождение, развитие и современное состояние института реабилитации в законодательстве зарубежных стран

Рассмотрение института реабилитации невозможно без применения историко-сравнительного подхода и исследования заложенного в основу данного явления принципа ответственности государства перед личностью.

Долгое время указанный принцип не находил закрепления в законодательстве зарубежных стран, говорившем лишь об ответственности обвинителей, судей, чиновников, доносителей и свидетелей, по вине которых состоялось привлечение к суду или назначение наказания.

Мысль о необходимости закрепления государственной ответственности перед невинно осужденным впервые была высказана Пуффендорфом в XVII в., однако дальнейшее развитие его предложение получило лишь в конце XVIII в., когда идея ответственности государства перед личностью получила широкий резонанс и привлекла к себе интерес общественности.

В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова, чье исследование вопросов зарождения и развития института реабилитации может быть по праву признано фундаментальным, отмечают, что в 1781 г. Академия наук и художеств в Шалоне-на-Марне предложила премию за работу на тему «…каковы по началам естественного права лучшие и, вместе с тем, наименее обременительные для общества способы вознаграждения граждан, привлеченных прокуратурою к суду и признанных невиновными?», при этом авторы появившихся сочинений отдают предпочтение идеальному вознаграждению перед материальным, предлагая, например, возлагать на оправданного белую ленту с крестом и медалью, на лицевой стороне которой должно быть вычеканено: «признанная невиновность», а на другой стороне изображены две пальмовые ветви; дату вынесения оправдательного приговора следует считать национальным праздником[73].

Одновременно появляется большое количество теорий, обосновывающих необходимость законодательного закрепления ответственности государства. Далее перечислены некоторые наиболее интересные из них.

Теория профессионального (административного или функционального) риска, разрабатываемая Ларнаудом, Орландо, Пойтевином, Кехлером, основывается на сравнении государства с крупным промышленным предприятием, а риск государства она уподобляет риску предпринимателя.

Теория Хариоу приравнивает ответственность государственной казны к ответственности страховщика и предполагает, что страховая сумма должна вноситься населением в виде податей.

Теория филантропической ответственности государства отрицает юридическую обязанность государства возмещать вред и рассматривает вознаграждение лишь как пособие,

[73] См.: *Бойцова В. В., Бойцова Л.В.* Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах. Тверь, 1993. С. 11.

выдаваемое несостоятельным и заслуживающим сострадания оправданным и освобожденным лицам.

Теории Меркеля и Тоблера проводят аналогию между причинением вреда третьему лицу при крайней необходимости и нанесением государством вреда при осуществлении им задач уголовного правосудия, с условием осуществления последним вознаграждения.

Согласно теории Филанджиери, если убытки причинены лицу, оправданному судом, неправильными, но не злоумышленными действиями публичных обвинителей, они должны возмещаться за счет особой казны. При злоумышленности неправильного обвинения потерпевший имеет право на иск о клевете к частным и публичным обвинителям.

Теория ограниченной ответственности государства Ленинга основана на положении, согласно которому, имея возможность обжаловать решение, потерпевший мог и предотвратить его исполнение, при этом государство свободно от ответственности. В последующем данная теория была взята на вооружение законодателями различных стран в части необходимости исследования правовых оснований и условий в каждом случае отдельно и необходимости установления ответственности государства особым образом.

Вместе с тем ряд юристов того времени отрицательно относились к идее ответственности государства, в частности Буддеуе, Блюнчли, Цопфл, Геффтер, Пфейфер, Лоран, Штенгель. В обоснование своей позиции авторы указывали на то, что привлечение к суду есть акт принадлежащего государству верховного права юстиции, который не оставляет места понятию ответственности, а в вознаграждении видели стимул к совершению преступлений, к неискренности, запирательству обвиняемых, затрудняющим осуществление правосудия, отмечая, что материальные выплаты лягут тяжелым бременем на бюджет государства[74].

Несмотря на существование противоречащих друг другу точек зрения по поводу необходимости законодательного закрепления ответственности государства, именно позиция ученых, считавших его необходимым, получила поддержку законодателя в различных странах.

Первой страной, предпринявшей такую попытку, стала Пруссия, ее примеру затем последовали ряд государств Европы и Латинской Америки.

Закон, принятый в 1776 г. в Пруссии, закреплял право лица, подозреваемого в совершении преступления, задержанного до судебного разбирательства и освобожденного за недостаточностью доказательств из заключения, при установлении его полной невиновности на возвращение в полном объеме понесенных издержек, а также выплату из фондов суда денежной суммы в качестве компенсации, определенной в соответствии со всеми обстоятельствами дела.

В Тоскане (Италия) в 1786 г., находит свое законодательное выражение теория Филанджиери. Здесь была учреждена касса, в которую поступали денежные суммы, взыскиваемые в соответствии с судебными приговорами в виде штрафов.

Устойчивое правовое регулирование принцип ответственности государства находит в законодательстве кантонов и федеральном законодательстве Швейцарии. Конституция Женевы 1794 г. и Уголовно-процессуальный кодекс Женевы 1885 г. гарантировали возмещение ущерба в случае несправедливого лишения свободы, Федеральный Уголовно-процессуальный кодекс 1851 г. предусматривал компенсацию понесенных потерь при прекращении обвинения и оправдании.

Во второй половине XIX в. идея ответственности государства последовательно находит свое выражение в законодательстве Швеции, Мексики, Норвегии, Португалии, Дании, Австрии, Венгрии, Германии и Бразилии.

Следует сказать, что не всегда этот процесс проходил безболезненно.

---

[74] Там же. С. 12.

Например, во Франции первые попытки законодательного закрепления принципа ответственности государства предпринимались еще в 1788 г. Людовиком XVI, который предоставил в Генеральные Штаты Ордонанс, сопровождавшийся декларацией о том, что он удивлен тем, что во Франции ничего не сделано для возмещения ущерба ошибочно осужденным лицам и что король рассматривает такое возмещение как долг правосудия. В 1790 г в проекте Уголовно-процессуального кодекса, переданного королем в Законодательное Собрание Франции, содержалась статья, обязывающая возместить ущерб невиновным за счет государства в размере, определяемом судом присяжных.

Однако Французская революция помешала проведению этой реформы, и лишь в 1895 г. Франция законодательно решила эту проблему, внеся соответствующие изменения в Устав уголовного судопроизводства.

В Испании принцип государственного возмещения просуществовал на законодательном уровне лишь в течение 15 месяцев, в нормах Уголовного кодекса 1822 г.

Предпринимались попытки изменить положение, когда государство и его органы обладают полным судебным иммунитетом, и в Англии, однако законодательного закрепления они так и не нашли. Например, Билль о компенсации за судебные ошибки, согласно которому суд должен был назначать возмещение невиновному лицу, оправданному после его несправедливого осуждения, был отвергнут Палатой общин еще на этапе обсуждения.

В результате в Англии сложилось правило, в соответствии с которым выплата компенсации незаконно осужденному могла быть произведена лишь на основе специального «частного закона», предусматривающего выплату возмещения пострадавшему лицу, а принцип государственной ответственности так и не нашел своего законодательного закрепления.

Вместе с тем огромное количество проблем существовало и в государствах, выбравших путь законодательного закрепления рассматриваемого принципа. Многие государства так и не смогли отойти от ограниченного характера ответственности государства.

Этот изъян заключался в том, что почти во всех странах был установлен ряд исключений при решении вопроса о вознаграждении лиц, которым государственными органами был причинен ущерб.

Так, в ряде государств предусматривалось вознаграждение для невиновно осужденных, отбывших наказание, но не признавалось право на вознаграждение оправданных граждан за безвинно понесенное предварительное заключение, поскольку считалось, что во втором случае лицо не претерпевает столь тяжких лишений, как в первом случае. Необходимость вознаграждения оправданных граждан за безвинно понесенное предварительное заключение с некоторыми оговорками признавали лишь некоторые кантоны Швейцарии, Дания, Венгрия, Германия, Норвегия и Швеция. В Швеции, например, такое право предоставлялось, если лицо было приговорено к более тяжкому, чем следовало, наказанию.

Данное решение законодателей поддерживали большинство юристов, среди которых Бонневиль-де-Марсанжи, Гейер, Жак, Штейнглейн, Филипс, Ленцман, Шварц, считавшие также, что ответственность государства невозможна при наличии в действиях подсудимого так называемой «процессуальной вины», включающей в себя процессуальное ослушание (попытка к бегству, попытка скрыть следы преступления, склонить свидетелей и соучастников к даче ложных показаний), ложное самообвинение, умышленное возбуждение уголовного производства[75].

Следуя предложению юристов, Австрия, Венгрия, Дания, Германия, Швейцария исключили компенсацию вреда лицам, навлекшим на себя обвинение.

Право на возмещение не возникало в Венгрии у граждан, покушавшихся на побег или арестованных во время него; старавшихся изгладить следы преступления, склонить сви-

[75] Там же. С. 16.

детеля, эксперта к даче ложных показаний (заключений) или принимавших меры к тому, чтобы эти лица уклонились от дачи показаний (заключений), а также в случае, если они умолчали о доказательствах, на которых суд при вторичном рассмотрении дела основывался при постановлении оправдательного приговора. В Германии в возмещении ущерба отказывалось обвиняемым, вызвавшим предварительное заключение своими действиями или грубой небрежностью. В Дании, Норвегии и Швеции лица, вызвавшие арест своими действиями, также лишались права на получение компенсации, однако в Дании суд мог назначить вознаграждение соразмерно с условиями задержания, если эти действия можно было объяснить страхом, смущением, недоразумением.

Исключения устанавливались и по другим основаниям, которые современникам могут показаться неуместными. Например, в Венгрии вознаграждение не могло назначаться, если гражданин не обжаловал обвинительный приговор суда первой инстанции.

В Италии вознаграждение предоставлялось невинно осужденному, если тот в нем нуждался, отбыл в местах лишения свободы не менее трех лет, не дал повода к заблуждению суда своей виной или небрежностью, не присуждался до этого к двукратному наказанию в виде лишения свободы.

Кроме того, не во всех государствах возмещению подлежал одновременно и имущественный, и моральный ущерб, и если такая возможность была предусмотрена в скандинавских государствах, то в Швейцарии, Венгрии и Германии возмещение морального ущерба практически исключалось.

Достаточно сложным и неоднообразным был и процессуальный порядок реализации права на возмещение ущерба.

Во Франции, Италии, Мексике, Португалии, Испании и большинстве кантонов Швейцарии вопрос о компенсации решался судом, оправдавшим гражданина, иногда суд устанавливал и размер такой компенсации. При этом в кантоне Базельштадт заявление о возмещении рассматривал гражданский суд, а в Берне потерпевшему предоставлялось право выбирать уголовный или гражданский суд.

В Швеции и Норвегии был принят административный порядок, согласно которому прошения писались на имя короля и подавались министру юстиции.

В Дании для определения размеров возмещения, предоставляемого судом, постановившим приговор, велся особый гражданский процесс с участием потерпевшего, местного представителя государственного казначейства и следователя, в производстве которого находилось дело.

В Венгрии дело о возмещении ущерба рассматривалось судом, постановившим в первой инстанции приговор, впоследствии отмененный. В суд вызывался проситель для представления своего требования, а прокуратуре предлагалось дать мотивированное объяснение. Окончательное решение вопроса о наличии оснований выплаты вознаграждения производилось королевской курией – высшим судебным трибуналом Венгрии. На основании ее постановления министр юстиции определял сумму, подлежащую выплате.

В Австрии суд, проводивший разбирательство, или апелляционный суд, оправдавший подсудимого, постановлял об оправданности возмещения и сообщал о праве на компенсацию его обладателю, который в течение трех месяцев должен был подать в Министерство юстиции заявление о назначении возмещения ущерба. В случае несогласия с размером возмещения пострадавший мог обращаться в суды с апелляцией.

В Германии суд, принявший решение об оправдании в повторном судебном разбирательстве, выносил постановление о компенсации, после чего должен был сделать официальное заявление о возмещении ущерба районному атторнею, который далее посылал бумаги вышестоящему административному органу – министру юстиции, устанавливавшему размер компенсации.

Таким образом, вопрос о возмещении ущерба во многих государствах решался в административном порядке, что превращало компенсацию в своеобразный акт милости государства и подменяло собой правовое признание принципа ответственности государства.

Критикуя практику того времени, английский юрист Борчерд указывал, что возложение обязанности определения заслуженное™ и размеров компенсации на административные органы само по себе не может рассматриваться как ущемление прав граждан, однако обращение гражданина в суд с требованием о возмещении является более предпочтительным, поскольку пострадавшему предоставляются большие возможности при установлении размера ущерба[76].

Характерной особенностью конца XIX в. стало и то, что во многих странах законы предусматривали регрессное право государств в отношении должностных лиц, которые вследствие неосторожности или умысла вызвали причинение ущерба (Австрия, Венгрия, Дания, Италия, Португалия, Франция, Швейцария).

Несмотря на большое количество изъянов и ограничений, принцип ответственности государства перед личностью находит свое место в законодательстве ряда зарубежных стран и к концу XIX в. воспринимается как неотъемлемый признак правового государства.

На протяжении же всего XX в. вместе с развитием и совершенствованием законодательства принцип государственной ответственности, также развиваясь, получает детальную регламентацию в соответствующих правовых актах зарубежных стран.

В одних странах этот принцип находит место в Конституциях (Болгария), в других – в уголовно-процессуальных кодексах (Венгрия, Германия, Италия, Польша, Румыния, бывшие республики Югославии), в третьих— в специальных законах (Бельгия, Словакия, Финляндия, Чехия), в четвертых – в различных нормативно-правовых актах (США, Франция), в государствах же англосаксонской системы права, где источником права служит прецедент, данный принцип не находит законодательного выражения и встречается в так называемых «частных законах», предусматривающих лишь возможность предъявления требований к отдельным должностным лицам (Австралия, Великобритания).

Остановимся подробнее на современном состоянии законодательной регламентации института реабилитации в некоторых зарубежных государствах, в чем нам помогут проведенные А. И. Лубенским исследования[77].

В Болгарии общие основания имущественной ответственности за вред, причиненный государственными должностными лицами, предусмотрены Конституцией страны, согласно которой государство отвечает за вред, причиненный незаконными актами или незаконными служебными действиями государственных органов и должностных лиц, и граждане имеют право в соответствии с условиями, предусмотренными законом, на получение от должностных лиц возмещения за ущерб, причиненный указанными лицами при исполнении ими служебных обязанностей с нарушением закона.

В уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Болгарии норм о порядке возмещения вреда, причиненного незаконным арестом или осуждением, нет. Специальное законодательство также отсутствует.

В Великобритании на протяжении длительного времени государство (Корона) и его органы обладали полным судебным иммунитетом и не отвечали в гражданско-правовом порядке за незаконные действия своих служащих. Однако постепенно этот иммунитет стал ограничиваться. В XIX в. Палата лордов постановила, что наделение какого-либо органа публичными функциями само по себе не порождает иммунитета. Было признано, что судеб-

---

[76] См.: *Bernhard E. M.* Convicting the innocent. New Haven, 1932. P. 380.

[77] См.: *Лубенский А. И.* Возмещение ущерба, причиненного незаконным арестом и осуждением, по законодательству зарубежных стран // Законодательство зарубежных стран. 1980. Вып. 169.

ный иммунитет распространяется лишь на центральные правительственные органы, за которыми он был сохранен и после принятия в 1947 г. Закона о производстве с участием Короны, хотя в целом данный Закон предусмотрел ряд изъятий из судебного иммунитета государства.

В то же время в Законе прямо указано, что государство не отвечает за вред, причиненный при осуществлении функций правосудия. Это правило действует и в случае незаконного осуждения. Выплата компенсации незаконно осужденному может быть произведена лишь на основе специального «частного закона», предусматривающего выплату возмещения пострадавшему лицу.

Не предусмотрено ответственности государства и за действия полиции. Государство считается ответственным за деликты тех должностных лиц, которые были прямо или косвенно назначены Короной и получают жалованье из так называемого Консолидированного фонда (целевого фонда, формируемого из различных налоговых поступлений) или другого подобного фонда, образование которого утверждено Казначейством. Как следствие, ни полисмены, ни их «добровольные помощники» не считаются чиновниками Короны, и за их действия государство ответственности не несет. Однако с принятием Закона о полиции 1964 г. было установлено, что главный констебль отвечает за деликты, совершенные полисменами. Фактически выплаты возмещения за ущерб, причиненный незаконными действиями полисменов, производятся из средств местных органов власти.

В принципе допускается предъявление исков к служащим полиции, виновным в незаконном аресте или незаконном уголовном преследовании. Если же арест произведен на основе судебного приказа, требование о возмещении предъявлено быть не может, кроме тех случаев, когда судья вышел за пределы своей юрисдикции.

Предъявление исков к судьям за какие-либо действия, совершенные в пределах юрисдикции, в Великобритании исключено.

В Венгрии право на возмещение регламентировано нормами уголовно-процессуального законодательства. Таким правом обладают те лица, к которым применялось предварительное заключение или которые подвергались временному принудительному лечению в медицинском учреждении, если в отношении них уголовное судопроизводство прекращено на том основании, что деяние не является преступным либо было совершено не обвиняемым. Прекращение дела за недостаточностью доказательств не создает основания для предъявления требования о возмещении ущерба.

Право на возмещение возникает и в тех случаях, когда лицо, содержавшееся в предварительном заключении или подвергавшееся принудительному лечению, было оправдано на следующих основаниях: 1) в качестве предмета обвинения выступало деяние, не являющееся преступлением; 2) вмененное в вину деяние совершено не подсудимым; 3) не доказан факт совершения преступления; 4) не доказано, что преступление совершено подсудимым.

Если же оправдательный приговор выносится вследствие установления обстоятельств, препятствующих привлечению к уголовной ответственности (недостижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность; психическое расстройство; необходимая оборона; крайняя необходимость и др.), то основания для выплаты возмещения отсутствуют.

Обвиняемый лишается права на возмещение в случаях, если он: скрывался от органов, осуществляющих уголовное судопроизводство; сбежал или пытался сбежать; старался ввести государственный орган в заблуждение, препятствуя проведению расследования, либо каким-либо образом дал повод подозревать себя в совершении преступления.

Основания для выплаты возмещения могут возникнуть и в результате ошибки во время производства по делу в суде.

Право на возмещение возникает, если на основании вступившего в законную силу приговора соответствующее лицо отбывало наказание в виде лишения свободы или подвергалось принудительному лечению в лечебном учреждении, а затем при производстве по вновь

открывшимся обстоятельствам или при пересмотре дела в порядке надзора принято решение об оправдании или о применении более мягкого наказания либо установлено, что принудительное лечение было применено в отсутствие законных оснований.

Возмещение ущерба в результате пересмотра вступившего в законную силу приговора исключается, если:

1) обвиняемый во время первоначального производства по делу умолчал о фактах или доказательствах, которые затем послужили основанием для пересмотра приговора, вступившего в законную силу;

2) обвиняемый не приносил жалобы на вынесенный по его делу приговор;

3) по делу в конечном итоге был вынесен оправдательный приговор, но вместе с тем было назначено принудительное лечение в медицинском учреждении.

Иск о возмещении ущерба предъявляется обвиняемым в суд в течение шести месяцев после сообщения ему о пересмотре его дела. Если требование о возмещении заявляется в связи с тем, что к обвиняемому применялось предварительное заключение или что он подвергался временному принудительному лечению при производстве по делу, которое было затем прекращено в стадии предварительного расследования, то иск должен рассматриваться в том суде, к подсудности которого относилось бы данное дело.

Шестимесячный срок, установленный для предъявления иска о возмещении ущерба, течет с того дня, когда обвиняемого известили о вступлении в законную силу оправдательного приговора или о постановлении о прекращении уголовного дела либо о вступившем в законную силу решении, вынесенном при возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам или при производстве в порядке надзора. Если обвиняемый умирает до проведения производства по иску о возмещении ущерба или до истечения срока, установленного для предъявления данного иска, так и не предъявив иск, родственник, имеющий право на получение от него содержания, может просить о проведении такого производства или, соответственно, вправе в пределах установленного срока предъявить иск о возмещении ущерба.

Суд, получив заключение прокурора, определяет, удовлетворяет ли требование о возмещении ущерба вышеприведенным условиям, а затем направляет материалы министру юстиции, который, если находит требование обоснованным, определяет сумму возмещения, выплачиваемого за счет государства реабилитированному или, при соответствующих обстоятельствах, – его родственнику.

В Италии уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена возможность возмещения ущерба незаконно осужденным, чьи дела пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам. Право на возмещение имеют лица, оправданные в результате пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам на основании приговора Кассационного суда или суда, куда дело было передано на новое рассмотрение, но при условии, что они не способствовали судебной ошибке умышленно или по грубой неосторожности.

Размер возмещения должен соответствовать продолжительности «возможного лишения свободы или интернирования», а также последствиям осуждения для осужденного и его семьи.

Возмещение ущерба производится путем выплаты денежной суммы или, с учетом условий, в которых находится лицо, имеющее право на возмещение, и характера причиненного ущерба, путем установления пожизненной ренты. Лицо, имеющее право на возмещение, если оно этого желает, может быть помещено в учреждение, где оно будет содержаться за счет государства и ему будет обеспечено лечение или обучение.

В случае смерти осужденного, произошедшей до или в ходе пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам либо после вынесения соответствующего судебного решения о его реабилитации, право на возмещение предоставляется его супругу, родственникам

по восходящей и нисходящей линиям, братьям и сестрам, а также лицам, находящимся в отношениях свойства первой степени.

Этим лицам, однако, не может быть определено возмещение в сумме, превышающей ту, которую мог бы получить сам оправданный. Унаследованное возмещение распределяется между заинтересованными лицами пропорционально ущербу, понесенному ими в результате судебной ошибки.

Ходатайство о возмещении представляется в ходе пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам или после его завершения. Во всяком случае, оно должно быть подано в течение 18 месяцев после вынесения определения об отмене обвинительного приговора без передачи дела на новое рассмотрение или с момента вступления в законную силу вынесенного при новом рассмотрении оправдательного приговора.

О поданном ходатайстве по поводу возмещения немедленно извещается министр финансов, который может вступить в дело для участия в определении размера возмещения.

Если обвинительный приговор отменен без передачи дела на новое рассмотрение, ходатайство о возмещении рассматривается той палатой Кассационного Суда, которая отменила приговор, а если приговор был отменен на объединенном заседании палат – то одной из палат по уголовным делам, по указанию председателя Кассационного Суда.

Когда оправдательный приговор вынесен судом, куда дело было передано из Кассационного Суда на новое рассмотрение, ходатайство о возмещении разрешается судом, вынесшим оправдательный приговор.

Судья обязан, даже при отсутствии соответствующей просьбы сторон, произвести проверочные действия, которые он считает необходимыми. Затем он передает материалы прокурору для получения от него письменного заключения. Подготовленное производство с заключением прокурора направляется в канцелярию, о чем сообщается сторонам.

В течение 20 дней заинтересованные стороны, их защитники, министр финансов или его представитель вправе знакомиться с имеющимися документами, снимать с них копии, представлять замечания, ходатайства и документы.

Судья по просьбе сторон или их защитников может, если к этому есть достаточные основания, продлить один раз срок ознакомления, но не более чем на 20 дней.

По истечении срока ознакомления судья разбирает дело о возмещении в совещательной камере. Заслушиваются прокурор, министр финансов или его представитель, заинтересованные стороны или их защитники.

Если дело не разрешается непосредственно Кассационным Судом, то решение, вынесенное по делу о возмещении, может быть обжаловано в Кассационный Суд, как по формальным основаниям, так и по существу. В Кассационный Суд могут быть представлены новые документы.

До вступления решения о взыскании возмещения в законную силу судья вправе, при наличии к этому оснований, постановить о выплате оправданному временного возмещения.

В Польше основания и порядок возмещения ущерба, причиненного незаконным арестом и осуждением, также предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, однако при определении объема причиненного ущерба, размеров и способов его возмещения применяются нормы гражданского права.

Осужденному, который в результате возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам или пересмотра приговора в порядке чрезвычайной ревизии (надзора) был признан невиновным или виновным в совершении уголовно наказуемого деяния, предусмотренного нормой, устанавливающей менее строгую ответственность, принадлежит право на получение от Государственной казны возмещения за причиненный ущерб, а также удовлетворения за причиненную несправедливость, явившиеся результатом отбытия осужденным полностью или частично наказания, которое он не должен был отбывать.

Данное положение действует и в случае, когда производство, осуществлявшееся в результате применения процедуры возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам или при пересмотре в порядке чрезвычайной ревизии (надзора), было прекращено в силу обстоятельств, которые не были учтены при первоначальном производстве.

Право на возмещение ущерба или удовлетворение возникает и при применении меры пресечения, если имеют место условия, указанные выше, а также в случае явно неправомерного временного ареста (предварительного заключения).

Судебная практика считает, что размер ущерба, причиненного незаконным осуждением к лишению свободы или незаконным арестом, должен исчисляться, исходя из разницы между имущественным положением осужденного, в котором он бы находился, продолжая оставаться на свободе, и тем имущественным положением, в котором он в действительности оказался, но с обязательным учетом и других причин, которые могли бы сказаться на его имущественном положении.

Удовлетворение за причиненную несправедливость предполагает компенсацию за перенесенные физические страдания, связанные с самим фактом применения незаконных мер либо вызванные полученными при этом телесными повреждениями или расстройством здоровья. Однако размер такой компенсации должен быть уменьшен с учетом заботы, проявленной государством в отношении незаконно осужденного (предоставление жилья, устройство на работу и т. д.).

Не возникает оснований для выплаты возмещения, когда первоначальный обвинительный приговор пересматривается с признанием осужденного невиновным или смягчается в ходе «обычного» производства (например, при рассмотрении дела по жалобе во второй инстанции, при производстве в суде первой инстанции, куда дело было передано на новое рассмотрение). Однако это не исключает права на получение возмещения в связи с явно незаконным арестом.

Под осуждением «на основании нормы, предусматривающей менее строгую ответственность» понимается не только осуждение на основе другой нормы, содержащей более мягкую уголовно-правовую санкцию, но также и осуждение на основе той же самой нормы уголовного права, но связанное с устранением из приговора постановления, ухудшающего положение обвиняемого (применения санкции в размере, превышающем обычный предел; указания на хулиганский характер совершенного преступления и т. п.), или с признанием определенных обстоятельств, смягчающих ответственность осужденного (совершение преступления в результате превышения пределов необходимой обороны и т. п.).

При решении вопроса о возмещении ущерба, причиненного незаконным арестом, сам факт признания лица, которое подвергалось аресту, невиновным недостаточен для того, чтобы считать арест явно незаконным, а соответствующее требование о возмещении – обоснованным. Вопрос о том, был ли временный арест произведен явно неправильно, должен решаться на основе анализа тех конкретных материалов, из которых исходил прокурор или суд, принимая решение об аресте.

Временный арест признается явно неправильным, если, например, полностью отсутствовали основания для применения данной меры пресечения (за преступление законом не предусмотрено наказание более строгое, чем год лишения свободы; к моменту принятия решения об аресте истек срок давности уголовного преследования; имелись другие обстоятельства, устраняющие возможность возбуждения уголовного судопроизводства, и т. п.).

Требование о возмещении подается в тот воеводский (областной) суд, в округе которого состоялось решение по делу в суде первой инстанции, а если требование связано с незаконным арестом – то в воеводский суд, в округе которого заинтересованное лицо было освобождено из-под стражи.

Воеводский суд разбирает дело по требованию о возмещении на заседании коллегии в составе трех судей. Такого рода дела должны рассматриваться в первую очередь. Судебные издержки не взыскиваются.

Решение воеводского суда по поводу возмещения ущерба может быть обжаловано в Верховный Суд.

В соответствии со сложившейся судебной практикой приводить точный расчет размера возмещения в подаваемом заявлении не требуется.

Рассмотрение дела по требованию о возмещении производится в соответствии с правилами уголовного судопроизводства. Отсюда, в частности, следует, что дело должно рассматриваться с участием прокурора и защитника. В то же время не допускается участие в качестве стороны представителя Государственной казны.

Лицо, которое заявляет требование о возмещении ущерба в связи с незаконным осуждением или арестом, принято именовать «потерпевшим» (а не гражданским истцом) с учетом его специфического положения. Делаемые им в суде заявления носят характер объяснения, пока суд не принимает решения допросить его в качестве свидетеля. В этом случае «потерпевшего» предупреждают об уголовной ответственности задачу ложных показаний.

Требования о возмещении могут быть предъявлены при неправильном осуждении в течение года после вступления в законную силу решения, дающего основание для такого требования, а при неправильном аресте – считая со времени вступления в законную силу решения, завершившего производство по делу.

Течение срока для предъявления требования о возмещении начинается со дня уведомления судом заинтересованного лица о соответствующем решении, дающем основание для предъявления требования о возмещении.

Обращение с требованием о возмещении не в суд, а в иной государственный орган не прерывает течения указанного срока.

В случае смерти обвиняемого право на возмещение предоставляется тому, кто вследствие исполнения незаконно назначенного наказания или явно неправильного ареста утратил:

1) полагающееся ему в соответствии с законом содержание от умершего;

2) постоянно получаемое им от умершего содержание, если, исходя из соображений справедливости, следует признать его право на возмещение.

Если обвиняемый, заявивший требование о возмещении ущерба, умер, право на это требование переходит к его супругу, детям и родителям.

Имеются в виду те случаи, когда смерть «потерпевшего» связана с фактом неправильного осуждения или явно незаконного ареста, т. е. когда незаконно применена смертная казнь, смерть наступила в результате телесного повреждения или расстройства здоровья, связанных с неправильным назначением меры наказания или применением явно незаконного ареста, смерть находится в причинной связи с неправильным осуждением или явно незаконным арестом.

Уголовно-процессуальным законодательством регулируется вопрос возмещения ущерба в случае незаконного осуждения или ареста и в Румынии, рассмотрение же соответствующих дел происходит по правилам гражданского судопроизводства.

Так, каждое лицо, которое было осуждено на основе судебного решения, вступившего в законную силу, обладает правом на возмещение ущерба, если при повторном рассмотрении дела судебным решением, вступившим в законную силу, установлено, что это лицо не совершило вмененного ему в вину деяния или что само событие преступления не имело места.

Однако в тех случаях, когда вынесение незаконного обвинительного приговора расценивается как преступление (так называемое незаконное применение репрессии), возмещение может быть взыскано потерпевшим лицом путем предъявления гражданского иска

в уголовном деле по обвинению в незаконном применении репрессии. В данном случае не будет иметь значения, в какой стадии уголовного судопроизводства состоялась отмена незаконного обвинительного приговора.

Если оправдательный приговор при вторичном рассмотрении дела вынесен не по указанным выше основаниям (т. е. не в силу того, что преступление совершено не обвиняемым или что событие преступления не имело места), то может быть предъявлен гражданский иск к лицам, непосредственно виновным в вынесении незаконного приговора (ими могут быть, например, свидетель, эксперт или переводчик, которые преступно нарушили свои обязанности; лицо, представившее поддельный или подложный документ, и др.).

Наряду с незаконно осужденным имеет право на возмещение ущерба лицо, которое подвергалось аресту, если впоследствии уголовное преследование в отношении его было прекращено на том основании, что оно не совершило преступления или что событие преступления не имело места, либо если оно было оправдано по тем же основаниям.

При прекращении дела или оправдании по другим основаниям возможно предъявление гражданского иска к лицам, привлекаемым к уголовной ответственности за незаконное применение репрессии.

Не имеет права на возмещение ущерба лицо, которое в ходе предварительного расследования или при производстве в суде умышленно или по грубой неосторожности препятствовало или пыталось препятствовать установлению истины, при этом считается, что подобные действия обвиняемого могут послужить поводом к отказу в возмещении ущерба лишь в том случае, если проявленная им «процессуальная нелояльность» специально отмечена в судебном решении, которым была исправлена судебная ошибка. Вместе с тем пассивное поведение обвиняемого, не принимавшего действенных мер для доказывания своей невиновности, не может рассматриваться как основание к отказу в возмещении ущерба.

Иск о возмещении ущерба предъявляется лицом, которое было незаконно осуждено или арестовано, а после его смерти иск может быть поддержан или предъявлен лицом, которое находилось на его иждивении, в течение года после вступления в законную силу решения об оправдании, вынесенного после отмены ранее состоявшегося и вступившего в законную силу обвинительного приговора, или после вынесения решения о прекращении уголовного преследования.

Лица, обладающие таким правом, могут обращаться с иском о возмещении ущерба в уездный суд по месту своего постоянного жительства. Ответчиком выступает государство. Интересы государства представляет Министерство финансов.

Как уже отмечалось, рассмотрение иска о возмещении ущерба производится в соответствии с правилами гражданского судопроизводства, в рамках которого и осуществляется доказывание и определение размера ущерба, причиненного незаконным осуждением или арестом. Факт осуждения или незаконного ареста в предмет доказывания при рассмотрении дела по иску о возмещении ущерба не входит, ибо соответствующее решение по уголовному делу, удостоверяющее судебную ошибку, имеет преюдициальное значение.

Обжалование решения уездного суда по иску о возмещении ущерба производится также в соответствии с правилами гражданского судопроизводства.

В Румынии под ущербом, подлежащим возмещению в случае незаконного осуждения или ареста, понимается только материальный ущерб, причиненный соответствующему лицу в силу ошибки, имевшей место в ходе уголовного судопроизводства. Однако существование права на возмещение ущерба не обусловливается тем, что исполнение незаконно назначенного наказания было начато или что решение о незаконном аресте было реализовано. Право на предъявление такого иска не зависит и от того, в течение какого срока исполнялось незаконно назначенное наказание. В то же время продолжительность отбывания незаконно назначенного наказания может быть учтена при определении размера возмещения.

Право на возмещение ущерба не может также ставиться в зависимость от материального положения лица, подвергшегося незаконному осуждению или аресту.

Возмещение ущерба производится путем денежных выплат, причем денежные выплаты могут быть предусмотрены и в возмещение упущенной выгоды.

Возмещение ущерба может выражаться и в корректировании исчисления трудового стажа таким образом, что время, в течение которого лицо подвергалось незаконному аресту, включается в общий и непрерывный трудовой стаж. Включается в трудовой стаж и время отбытия незаконно назначенного лишения свободы с привлечением к исправительным работам.

На лице, предъявившем иск о возмещении ущерба, лежит обязанность доказывания факта причинения ущерба. При этом может возникнуть необходимость в доказывании таких обстоятельств, находящихся в связи с незаконным арестом или осуждением, как ухудшение имущественного положения, потеря трудоспособности по причине расстройства здоровья и т. п.

Румынское законодательство предусматривает сравнительно широкие возможности для предъявления к лицам, виновным в произошедшей судебной ошибке, регрессного иска. Если возмещение ущерба взыскано в порядке уголовно-процессуального законодательства, то государство вправе предъявить регрессный иск к лицу, которое злонамеренно или по грубой неосторожности создало ситуацию, приведшую к возникновению ущерба.

В порядке регресса отвечают не только те, кто привлечен к уголовной ответственности и признан виновным в допущенной судебной ошибке. Для наступления ответственности в порядке регресса достаточно доказать, что определенное лицо злонамеренно или по грубой неосторожности породило ситуацию, приведшую к причинению ущерба. Однако простые, незначительные ошибки, допущенные в ходе уголовного судопроизводства, не могут служить основанием для возложения на какое-то лицо гражданско-правовой ответственности в связи с незаконным арестом или осуждением.

Федеральное законодательство США (Свод законов) предусматривает возможность предъявления в Претензионном суде исков о возмещении ущерба, причиненного незаконным лишением свободы и осуждением.

Претензионный суд вправе рассматривать иски любых лиц, которые незаконно осуждены по обвинению в преступлении против Соединенных Штатов и подвергнуты лишению свободы.

Такого рода иски могут быть предъявлены в случае пересмотра обвинительного приговора на том основании, что истец невиновен в совершении преступления, за которое он был осужден; если истец признан невиновным при повторном рассмотрении дела; если истец был помилован на том основании, что он невиновен и необоснованно осужден.

Истец должен доказать, что он не совершал вмененных ему в вину деяний либо что его деяния, акты или упущения, находящиеся в связи с обвинением, не представляют собой преступления, направленного против федерации, штата или округа Колумбия, и что возбужденное против него уголовное преследование не явилось следствием его неправильного поведения или небрежности.

Размер присужденной компенсации не может превышать 5000 долларов.

В Финляндии действует специальный закон о возмещении, выплачиваемом из государственных средств лицам, которые, будучи невиновными, были незаконно заключены под стражу или осуждены.

Законом предусмотрено, что возмещение из государственных средств получают, во-первых, лица, которые были задержаны или заключены под стражу по подозрению в совершении уголовно наказуемого деяния и впоследствии признаны невиновными.

Во-вторых, возмещение выплачивается и тем лицам, которые полностью или частично отбыли наказание в виде лишения свободы на основании приговора, впоследствии отмененного.

Право на возмещение наступает независимо от того, были ли виновны в допущенной ошибке соответствующие должностные лица или они действовали добросовестно.

Размер возмещения определяется, исходя из суммы причиненного материального ущерба или понесенного убытка. Если ущерб или убыток не может быть исчислен в денежном выражении, то возмещение производится только в случае, когда это специально предусмотрено законодательством.

Требование о возмещении может быть заявлено в ходе производства по уголовному делу, по которому истец был необоснованно задержан или лишен свободы. Если по требованию о возмещении в ходе уголовного судопроизводства решение не принято, то заинтересованное лицо вправе предъявить иск к государству в общем суде первой инстанции.

Во Франции действует несколько вариантов возмещения ущерба, причиненного незаконным осуждением или арестом, причем некоторые из них существуют еще с XIX в.

Первый, носящий уголовно-процессуальный характер, предусматривает, что судебным решением, которым лицо, ранее осужденное, признано невиновным, может быть постановлено взыскать возмещение убытков, причиненных незаконным осуждением.

Данная система возмещения ущерба, причиненного незаконным осуждением, связана с процедурой пересмотра приговоров по вновь открывшимся обстоятельствам.

Если в результате пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам осужденный признан невиновным, суд может, по просьбе реабилитированного лица, постановить о возмещении ущерба, причиненного незаконным осуждением. В случае смерти лица право требования возмещения убытков принадлежит на тех же основаниях его супругу, а также родственникам по восходящей и нисходящей линиям.

Требование о возмещении может быть заявлено на любом этапе процедуры пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Однако вопрос о возмещении может быть разрешен только тем судебным решением, которым произведен пересмотр дела и осужденный признан невиновным. Требования о возмещении, поступившие после вынесения данного решения, к рассмотрению не принимаются.

Возмещение убытков взыскивается из государственных средств (государственного бюджета). Вместе с тем государство имеет право взыскать в порядке регресса выплаченную незаконно осужденному сумму с гражданского истца, заявителя о преступлении (в случае ложного доноса) или лжесвидетеля, по вине которых состоялось незаконное осуждение.

Предусмотрены также определенные меры по реабилитации незаконно осужденного в глазах общественности.

Если лицо, ходатайствовавшее о пересмотре дела, этого требует, определение или приговор, которым осужденный признается невиновным, вывешивается в населенном пункте, где состоялось осуждение, в коммуне по месту совершения преступления, в коммуне по месту жительства лиц, ходатайствовавших о пересмотре дела, и по его последнему месту жительства, если незаконно осужденный умер. Кроме того, определение или приговор суда о признании осужденного невиновным помещается в издании «Журналь офисьель», а выдержки из соответствующего судебного акта публикуются в пяти газетах по выбору судебного органа, вынесшего решение о невиновности. Публикации при этом производятся за счет государства.

Второй вариант, являющийся гражданско-процессуальным, позволяет привлечь к гражданско-правовой ответственности судей, виновных в злоупотреблениях по службе или в серьезных упущениях при исполнении своих профессиональных обязанностей, послуживших причиной незаконного ареста или осуждения.

Однако возмещение убытков в порядке данной процедуры может быть взыскано только в том случае, если будут представлены доказательства тяжкой вины магистрата в наступивших последствиях. Кроме того, применение этой процедуры осложнено множеством почти непреодолимых формальностей (необходимо получить предварительное разрешение первого председателя Апелляционного Суда, а при его отказе – разрешение палаты по гражданским делам Кассационного Суда и т. п.). Поэтому эта процедура практически не применяется.

Третий вариант представлен уголовно-процессуальным или гражданско-процессуальным порядком возмещения убытков при незаконном аресте, но может применяться лишь в случае, когда лицо, произведшее арест, привлечено к уголовной ответственности за посягательство на личную свободу.

Возмещение убытков может быть произведено при производстве по уголовному делу по обвинению в посягательстве на личную свободу или в порядке гражданского судопроизводства.

Размер возмещения не может быть ниже, чем 0,25 франка за каждый день незаконного ареста.

Данная процедура применяется еще реже, чем упомянутая выше.

Интерес представляет четвертый вариант возмещения ущерба, когда такая обязанность может быть возложена на гражданского истца.

В уголовном судопроизводстве потерпевший может заявить так называемый гражданский иск с целью возбуждения уголовного преследования в том случае, если прокурор официально отказал в возбуждении уголовного преследования или по каким-либо причинам воздержался от возбуждения уголовного преследования, не оформив свою позицию никаким актом. Предъявление гражданского иска (представление требования о возбуждении уголовного преследования) частным лицом при таких обстоятельствах влечет за собой возбуждение уголовного преследования.

При прекращении уголовного преследования, начатого по требованию гражданского истца, а также в случае вынесения оправдательного приговора, с гражданского истца может быть взыскано возмещение материального и морального ущерба, причиненного лицу, в связи с предполагаемыми преступными действиями которого возбуждалось уголовное преследование.

Порядок рассмотрения требования о возмещении ущерба различен в зависимости от того, в какой форме было принято реабилитирующее решение и какой орган его вынес.

При прекращении в стадии предварительного расследования дела, начатого по заявлению гражданского истца, обвиняемый, а также все лица, указанные в заявлении как подозреваемые (если даже не было принято решения о привлечении их в качестве обвиняемых), вправе требовать возмещения убытков либо в порядке гражданского судопроизводства, либо путем предъявления иска при производстве в органе уголовной юстиции.

В последнем случае иск о возмещении убытков должен быть предъявлен в течение 3 месяцев со дня вступления в законную силу постановления о прекращении уголовного дела, при этом право на возмещение убытков может возникнуть только в случае, когда дело прекращено вследствие отсутствия или недостаточности обвинительных доказательств.

Предъявление иска о возмещении оформляется путем вызова ответчика в исправительный трибунал. Исправительный трибунал истребует прекращенное дело и знакомит с ним стороны. Разбирательство по делу проводится в совещательной камере при закрытых дверях. В ходе разбирательства выслушиваются стороны или их защитники. Свое мнение излагает также прокурор.

Гражданский истец может быть обязан судом выплатить убытки лишь в том случае, когда установлено, что иск им предъявлен злонамеренно, недобросовестно или легкомысленно, причем обвиняемый должен представить доказательства вины гражданского истца.

Размер убытков, подлежащих взысканию с гражданского истца, определяется таким образом, чтобы потерпевший не оказался ни в проигрыше, ни в выигрыше.

При вынесении оправдательного приговора судом присяжных решение о возмещении убытков оправданному за счет гражданского истца принимается тем же судом (но без участия присяжных). До принятия решения выслушиваются мнения сторон и прокурора. Кроме того, суд может поручить одному из своих членов предварительно опросить стороны и ознакомиться с документами. После этого член суда докладывает дело в судебном заседании, сторонам предоставляется возможность высказать свои соображения, выслушивается мнение прокурора.

В случае, когда в исправительном трибунале вынесен оправдательный приговор на том основании, что в действиях подсудимого нет состава преступления, факт совершения преступления не установлен или деяние не может быть вменено в вину подсудимому, исправительный трибунал в том же приговоре постановляет о возмещении гражданским истцом, по требованию которого возбуждено уголовное преследование, убытков оправданному.

Согласно еще одному, пятому, варианту допускается возложение ответственности за ущерб, причиненный лицам, которые незаконно подверглись предварительному заключению, на государство. Однако в данном случае действует порядок, аналогичный порядку привлечения к гражданско-правовой ответственности магистров, виновных в злоупотреблениях, что затрудняет его практическую реализацию.

Тем не менее возмещение может быть присуждено лицу, в отношении которого применялось предварительное заключение в ходе производства, закончившегося вынесением решения о прекращении дела или оправдании (при условии вступления соответствующих актов в законную силу), если этому лицу в результате предварительного заключения причинен явно ненормальный и особой тяжести ущерб.

Решение о праве на возмещение убытков в связи с незаконным предварительным заключением принимается самостоятельно комиссией, состоящей из трех магистратов – судей Кассационного Суда в ранге председателя палаты или советника. Назначение членов комиссии (а также трех их заместителей) производится ежегодно по решению бюро Кассационного Суда.

Функции прокурора во время производства в комиссии выполняются должностными лицами генеральной прокуратуры при Кассационном Суде.

Прошение о возмещении убытков должно быть подано в комиссию в течение 6 месяцев со дня вступления в законную силу решения, дающего основание для предъявления такого рода притязаний. Разбирательство проводится и решение выносится в совещательной камере. Производство ведется по правилам гражданского процесса. Разбирательство является устным, заявитель может лично дать объяснения в обоснование своего ходатайства.

Решение, принимаемое комиссией, не мотивируется. Обжалование решения, вынесенного по поводу прошения о возмещении убытков, не допускается ни в какой форме.

Возмещение взыскивается из государственного бюджета. В то же время взыскание соответствующей суммы может быть произведено в порядке регресса с лица, которое по злому умыслу представило ложный донос, или со лжесвидетеля, по вине которого было незаконно применено или продлено заключение.

Анализируя существующие подходы к вопросу ответственности государства перед личностью и то, как этот вопрос решается законодателями зарубежных стран, можно выделить следующие сложившиеся направления: 1) закрепление ответственности государства перед личностью; 2) закрепление ответственности непосредственного причинителя вреда

перед личностью; 3) закрепление иммунитета государства; 4) закрепление иммунитета государственных органов и должностных лиц.

Несмотря на такое многообразие направлений, изучение опыта зарубежных стран дает обширную почву для размышлений, позволяет выделить негативные и позитивные моменты для последующего развития положительного опыта в отечественном законодательстве.

Как отмечал Н. Н. Розин, пример западного права указывает, что идея государственного вознаграждения невинно привлеченных к уголовному суду как идея юридической обязанности государства не только быстро усваивается положительным правом, но и усваивается в весьма широком объеме[78].

[78] См.: *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям (2-е изд., изм. и доп.). СПб., 1914. С. 530.

2. Зарождение и развитие института реабилитации в российском законодательстве

Институт реабилитации в современном своем значении возник не сразу.

Первое, отдаленное по своему правовому значению от принципа ответственности государства перед личностью, требование о возмещении ущерба лицу, в отношении которого обвинение «не удастся», содержалось в пространной редакции Русской Правды и относилось к так называемому частному преследованию.

В ст. 85 пространной редакции Русской Правды говорилось: «Все эти тяжбы решаются показаниями свидетелей из числа свободных (людей); если случится свидетелем быть холопу, то на суде ему не выступать; но если захочет истец подвергнуть ответчика испытанию (железом), то сказав так: "согласно показаниям этого (холопа), я беру тебя (для испытания железом), но беру тебя я, а не холоп", (он может) взять его (т. е. ответчика) для испытания железом; если удастся обвинить его, то он (т. е. истец) получает с него свое; не удастся обвинить его – платить ему за истязания гривну, ибо взял его (для испытания) согласно показаниям холопа»[79].

Не имея прямого отношения к принципу государственной ответственности, данное положение находит свое место на законодательном уровне, гарантирует выплату денежной суммы лицу, невинно претерпевшему определенные лишения в результате несостоятельного обвинения в совершении посягательства на чужое имущество. Кроме того, данное положение обеспечено силой государственного принуждения, в связи с чем заслуживает внимания.

В период царствования Петра I предпринимались попытки установить ответственность чиновников по искам лиц, пострадавших от их служебных действий; таким лицам позволялось «в партикулярных обидах бить челом» на должностных лиц и «искать с них судом, где надлежит»[80], однако дальнейшего развития они не получили.

Воинский артикул от 26 апреля 1715 г. закреплял следующее положение: «Салдаты и офицеры в великих преступлениях, как и прочие злодеи, могут быть пытаны, в сем нет сомнения, ибо в то время не яко салдат или офицер, но яко злодей почитается. Ежелиж он на пытке явится невинен, или от его величества, или фелтмаршала весьма прощен будет, то для невинности своей высокоповеренный чин свой может конечно паки отправлять, хотя он и в палачевских руках и на пытке был. Однакож иногда в сем деле бывает не без трудности до тех мест, пока над ним публично знамя не возложится. И тако чрез сие паки за честного причтен, и всем всеконечно запрещено будет, дабы ему сим впредь не попрекать»[81].

С 1834 г., когда был издан Указ, предусматривающий взыскание с судьи 200 рублей ассигнациями за каждый необоснованный удар кнутом, в России начинает развиваться положение об ответственности судей. В 1851 г. данная мера ответственности была заменена единовременным вознаграждением в размере от 10 до 160 рублей и введено правило об обязанности судей возместить наказанному все имущественные убытки, предоставить ему средства на лечение и на содержание до выздоровления, в случае же, если наказанный становился нетрудоспособным, суд должен был обеспечить его и его семью приличным содержанием.

В последующем ответственность судей находит свое выражение в ст. 366–377 Уложения о наказаниях 1885 г., ст. 677–682 Законов гражданских, ст. 1316–1331 Устава гражданского судопроизводства, начинают развиваться положения об ответственности «поли-

[79] История государства и права зарубежных стран: Хрестоматия/ Авт. – сост. Н. Н. Ягур, Минск, 2004. С. 207.

[80] *Карпович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 294.

[81] Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4/Под ред. А. Г. Маньков. М., 1986. С. 365–366.

цейских чиновников, виновных в неправильном исполнении приговора», и других лиц, «по упущению коих понес наказание невинный или же виновный излишне наказан».

Статья 677 Законов гражданских гласила, что «всякое должностное лицо, которое из корыстных или иных личных видов, по суду доказанных, через принятие каких-либо противозаконных мер или иные, также противозаконные, по службе действия, причинит кому-либо вред или убытки по имуществу, не только подвергается за сие наказанию, в законах определенному, но обязано сверх того вознаградить за сии убытки и вред»[82].

Ответственность судей конкретизировалась в ст. 678 Законов гражданских, согласно которой судьи, постановившие, умышленно или по неосмотрительности и невниманию к делу, окончательный приговор, вследствие которого понес наказание невинный, не только подвергались наказанию, но и обязывались вместе с тем возвратить неправильно осужденного за свой счет из места ссылки или заключения и заплатить приговоренному таким образом к наказанию уголовному от 100 до 600 рублей, а понесшему наказание исправительное – от 10 до 60 рублей, в зависимости от строгости наказания, его продолжительности и других обстоятельств, отягчающих участь осужденного. Кроме того, по иску осужденного судьи должны были возместить все понесенные им имущественные убытки. В случае если невинно осужденному был причинен вред здоровью, судья обязывался возместить ему средства на излечение и содержание на период болезни; если же вследствие такой болезни осужденный лишился возможности содержать себя и семью, ему назначалось содержание. Судьи освобождались от ответственности, если при пересмотре дела осужденного было «разномыслие на счет его изобличения».

В соответствии со ст. 680 Законов гражданских, если по неправильному приговору осужденный понес наказание свыше установленной законом меры, то судьи отвечали только за те убытки, которые были причинены имуществу осужденного, или когда достоверно известно, что именно усиление наказания повергло осужденного в болезнь, лишившую его способности добывать себе средства на пропитание. Если этого условия нет, то исправление неправильного приговора ограничивается изменением срока наказания или заменой одного наказания другим.

Несмотря на то, что ст. 677–680 Законов гражданских, казалось бы, предусматривали ответственность судей за неправильные решения без каких-либо изъятий, цивилист И. М. Тютрюмов отмечал, что «на основании суждений Государственного Совета, высказанных им при рассмотрении действующих законов (ст. 677–680), можно прийти к заключению, что судья должен отвечать за причиненные им убытки, независимо от умысла и корыстных или иных личных видов побуждений, когда он действовал неосторожно или неосмотрительно. Ошибочное же толкование закона само по себе не может служить справедливым основанием к привлечению судей к имущественной ответственности»[83].

Позиция ученого была в последующем поддержана и законодателем.

Н. И. Лазаревский отмечает: «Статьи 1316–1330 Устава гражданского судопроизводства установили не только новый порядок ответственности должностных лиц, они установили новое основание для нее: нерадение, неосмотрительность и медленность, хотя бы они и не вызывались "корыстными или иными личными видами, по суду доказанными", как то раньше требовала 677-я статья Законов гражданских. Таким образом, материально-правовой основой ответственности должностных лиц в порядке гражданского суда по действующему русскому праву является ст. 1316 Устава гражданского судопроизводства, устанавливающая

[82] Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / Сост. И. М. Тютрюмов. Книга вторая. М., 2004. С. 428.

[83] Там же. С. 436.

имущественную ответственность должностных лиц не за всякую вину, а лишь за неосмотрительность, нерадение и медленность»[84].

Порядок предъявления иска осужденным регламентировался ст. 1331 Устава гражданского судопроизводства. Для заявления иска к чинам окружного суда и мировым судьям требовалось получение разрешения судебной палаты, а к председателям, чинам и прокурорам высших судебных установлений – разрешение Соединенного присутствия 1-го и кассационных департаментов Правительствующего сената. Признав, что жалоба может подлежать удовлетворению, палата или сенат направлял копию просьбы обвиняемому для дачи объяснений. По истечении установленных сроков в закрытом заседании после предварительного заслушивания докладов одного из членов и заключений прокуратуры постановлялось решение. В случае признания просьбы, заявленной в иске, подлежащей удовлетворению назначался окружной суд, в который проситель мог обратиться с иском о вознаграждении.

Следует согласиться с высказыванием Н. И. Лазаревского о том, что «существующая постановка гражданских исков, основанная на преступлениях должности, сводится к выдержанному отказу в правосудии»[85].

Итак, можно сделать вывод, что ответственность должностных лиц была ограниченной, устанавливалась не за всякую вину, а «лишь за неосмотрительность, нерадение и медленность». Ошибка же, вызванная неверным толкованием закона, не считалась поводом для наступления такой ответственности. Сложная процедура возмещения убытков и вреда делала последнюю и вовсе декларативной. Ответственность государства не предусматривалась.

Нормы, относящиеся к вопросу о вознаграждении лиц, пострадавших от привлечения к уголовному суду, содержались и в ст. 32, 121, 780, 781, 783 Устава уголовного судопроизводства, которые допускали взыскание вознаграждения либо с частного лица, выступившего обвинителем, но не потерпевшего от преступления, без каких-либо ограничений, либо с потерпевшего, возбудившего судебное преследование оправданного, который отвечал перед ним только в случае своих недобросовестных действий: при искажении обстоятельств происшедшего, даче ложных показаний, употреблении иных незаконных или предосудительных средств. Что же касается ответственности должностных лиц, то ст. 782, 784 Устава уголовного судопроизводства предусматривали те случаи, когда должностные лица, в том числе прокурор и судебный следователь, действовали пристрастно, притеснительно, недобросовестно и тем самым вызвали привлечение к суду лица, впоследствии оправданного. Однако в сенатской практике понятие «оправданный» толковалось ограничительно, буквально: имелись в виду граждане, в отношении которых состоялся оправдательный приговор. В связи с этим, значительная часть пострадавших от уголовного преследования оставалась без защиты.

Вопросы, связанные с компенсацией ущерба, причиненного несправедливым привлечением к уголовной ответственности или осуждением, нашли свое место в Объяснительной записке к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства, подготовленной Комиссией по пересмотру законоположения по судебной части. Комиссия указала на нецелесообразность сохранения прежней редакции ст. 781 Устава уголовного судопроизводства, отвергая положение, согласно которому обвинители, свидетели, эксперты, действовавшие добросовестно, не подлежат ответственности за содействие возбуждению преследования, поскольку другие правовые постановления предусматривают обязательность донесения. В обоснование приводились следующие доводы: во-первых, свидетели связаны присягой, дав

---

[84] *Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905. С. 408, 422–426.

[85] *Лазаревский Н. И.* Объяснительная записка к проекту третьей книги Устава гражданского судопроизводства. СПб., 1904. С. 582.

обязательство показывать все известное по делу, а во-вторых, нельзя игнорировать то, что некоторая доля вины падает на должностных лиц, виновных в неосмотрительном привлечении обвиняемого к следствию и суду. В итоге Комиссия пришла к заключению о необходимости отменить ст. 781 Устава уголовного судопроизводства и соединить ст. 121 со ст. 782, введя постановление о том, что на частное лицо – обвинителя может быть обращено взыскание, если суд признал обвинение недобросовестным. Далее Комиссия высказалась за введение института вознаграждения лиц, понесших наказание в результате судебной ошибки и при полной добросовестности участвовавших в деле частных и должностных лиц вследствие несчастного стечения обстоятельств. Вознаграждение, по мнению членов Комиссии, должно быть принято государством на себя и не может рассматриваться как предмет одной общественной благотворительности. Однако в проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства было внесено положение совершенно иного толка, согласно которому в чрезвычайных случаях, когда «представляются особые уважения» к вознаграждению оправданного подсудимого, о коем, вследствие обнаружившихся доказательств его невиновности, дело было возобновлено и вступивший в силу обвинительный приговор отменен, суду дозволялось ходатайствовать перед Императорским Величеством через министра юстиции о вознаграждении подсудимого, невинно понесшего наказание, причем министр юстиции должен был предварительно обсудить вопрос с министром финансов.

В ст. 26, 938, 958 Устава уголовного судопроизводства частично получила отражение идея о необходимости восстановления доброго имени и репутации жертв судебных ошибок, допускавшая восстановление прав и чести невинно осужденного во всякое время, несмотря ни на протечение давности, ни на смерть осужденного.

Дореформенное законодательство предусматривало, помимо мер, указанных выше, возможность опубликования сообщений о невиновности должностных лиц, преданных суду, с публичным оглашением по требованию оправданных печатными указами от департаментов или общих собраний Сената, в которых окончательно рассмотрены дела об этих лицах. Однако данная норма была упразднена и не вошла в Устав уголовного судопроизводства на том основании, что в условиях гласности уголовного процесса каждый оправданный сам может позаботиться об опубликовании приговора суда.

Таким образом, к концу XIX в. законодательно оформленная ответственность государства отсутствовала, имели место лишь отдельные случаи, носившие характер актов милости.

Как отмечал Н. Н. Розин, в 1901 г. было выдано из средств государственного казначейства по 500 рублей крестьянам Панфилову и Финову, невинно приговоренным к каторжным работам, в 1903 г. было выдано вознаграждение в 100 рублей крестьянину Сыченко, невинно приговоренному к тюремному заключению, и в том и в другом случае вознаграждение было назначено по особому Высочайшему повелению[86].

Некоторыми лицами, например сенатором Буцковским и главным военно-морским прокурором Янкевичем-Яневским, были пожертвованы особые капиталы для выдачи такого вознаграждения.

На рубеже XIX–XX вв. в среде ученых формируется устойчивое мнение, что «государство не только *de lege ferenda,* но и *de lege lata* должно быть признано ответственным за противозаконные действия и упущения должностных лиц, безразлично судебного или административного ведомств, совершенные ими по должности, каковая ответственность вытекает из самой природы государства как юридического лица и из понятия должности и учреждения»[87].

---

[86] См.: *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям (2-е изд., изм. и доп.). СПб., 1914. С. 529.

[87] *Горенберг М. Б.* Ответственность государства за действия должностных лиц // Судебная газета. 1900. № 12. С. 6.

Ответственность казны, как указывает Н. И. Лазаревский, проникла в наше право благодаря тому, что потребность установления ответственности государства за убытки, причиненные чиновниками, давно уже сознавалась, и благодаря тому, что некоторые постановления судебных уставов, сами по себе не имевшие в виду устанавливать ответственность казны, позволили судам рассматривать иски к казне об убытках, а ввиду отсутствия в нашем законодательстве каких-либо материально-правовых норм для этих исков к ним практически оказалось необходимым применять ст. 684 и 687 Законов гражданских и другие постановления об ответственности[88].

К числу первых шагов в решении вопроса об обязанности государства компенсировать причиненный гражданину ущерб, как отмечают В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова, можно отнести принятие Закона от 1 мая 1900 г, установившего, что расходы по возвращению в прежние места жительства ссыльно-каторжных, признанных судом невинно осужденными, а равно их семейств принимаются на счет казны[89].

Последующие же попытки законодательного установления ответственности государства относятся к более позднему периоду – второй половине XX в., когда принцип государственной ответственности за ущерб, причиненный жертвам необоснованного уголовного преследования получает надлежащее законодательное признание, несмотря на то, что необходимость принятия на себя государством такой обязанности осознавалась общественностью ранее и служила предметом исследования для многих русских юристов, которые всесторонне обосновали идею реабилитации, осветили историю правового института вознаграждения невинно пострадавших в ходе уголовно-процессуальной деятельности граждан и выдвинули предложения относительно совершенствования соответствующего законодательства России[90].

П. И. Люблинский, отмечая публичный характер отношений, возникающих между государством и гражданином в связи с компенсацией ущерба, понесенного оправданным лицом, указывал, что незаконное подследственное задержание, а тем более осуждение наносят непоправимый вред не только частным, но и общественным интересам. Разрыв хозяйственных связей лица с обществом, лишение его заработка подрывает экономическое состояние государства. Граждане, озлобленные против государственного строя, выбросившего их на улицу, «несколько уже затронутые во время заключения под стражей заразой преступных склонностей», могут легко пойти под влиянием безысходной вражды по дороге преступлений. Нарушения справедливости в области правосудия причиняют государству и нематериальный урон, поскольку оказывают развращающее влияние на психику гражданина, деформируют его правосознание, порождают отчуждение в обществе, вызывают неуважение к закону и должностным лицам. Поскольку нанесенный материальный и нравственный ущерб подлежит возмещению в публичных интересах, публично-правовые отношения в связи с компенсацией вреда жертвам судебных ошибок нельзя втиснуть в цивилистические конструкции[91].

Подчеркивая важность гражданского права, регулирующего общие вопросы возмещения вреда, Н. И. Лазаревский справедливо отмечал, что установление ответственности казны на основании государственно-правовых соображений было бы страшно затруднено, если

---

[88] *Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905. С. 157–158.

[89] См.: *Бойцова В. В., Бойцова Л. В.* Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах. Тверь, 1993. С. 26.

[90] См., напр.: *Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905; *Люблинский П. И.* Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906; *Миролюбов Н. И.* Реабилитация как специальный правовой институт. Казань, 1902; *Розин Н. Н.* О вознаграждении лиц, невинно привлеченных к уголовному суду//Журнал Министерства юстиции. 1897. № 9. С. 9.

[91] *Люблинский П. И.* Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 607.

бы в гражданском праве и в вдохновляемой им общей теории права твердо держались того положения, что ответственность без вины невозможна. В связи с этим автор делал заключение: «Специфическая особенность этого вида отношений и ответственности за вред по сравнению с гражданско-правовой ответственностью сводится единственно к тому, что тут к аналогичным имущественным отношениям привходит то условие, что убытки причиняются не частными лицами один другому, а органом власти лицу, этой власти подчиненному. Поэтому общие начала ответственности за вред можно прямо заимствовать у цивилистов… и затем эти общие начала следует так или иначе видоизменить, сообразно привходящим публично-правовым элементам рассматриваемого вида ответственности»[92].

Вместе с тем и П. И. Люблинский, и Н. И. Лазаревский критиковали механическое перенесение теорий иных отраслевых наук в область отношений между гражданином и государством по возмещению вреда, нанесенного неправомерным уголовным преследованием.

Скажем, П. И. Люблинский полагал неправильным приравнивание ответственности казны к ответственности страховщика, поскольку данная концепция неверно ссылается на договор страхования, ибо в данном случае и характер вреда иной, и размер компенсации определяется не величиной взносов, а значением признаваемых государством публичных интересов. Теорию крайней необходимости П. И. Люблинский, допуская общеобязательность этого принципа в частном праве, также признавал непригодной для публичного права. Теория филантропической обязанности государства, по мнению ученого, способствует недооценке юридической обязанности государства возместить ущерб: филантропия, относясь к сфере нравственности, иногда противоречит даже справедливости; закон же строится не на чувстве, а на разуме, при такой постановке вопроса нематериальный ущерб остался бы невозмещенным, поскольку воздаянием за понесенную несправедливость является не филантропия, а присвоенное пострадавшему, как корректива этой несправедливости, право на вознаграждение. Также П. И. Люблинский отмечал, что риск государства нельзя уподоблять риску предпринимателя, как это делает теория предпринимательского риска, ибо интересы государственной власти не тождественны интересам корысти, личной выгоды[93].

Интересными представляются рассуждения Н. Н. Розина, который указывает, что при рассмотрении вопроса об установлении так называемой «аквилианской вины», в силу которой ответственным признается каждый, причинивший другому вред своими умышленными или неосторожными действиями, следует учитывать, что понятие вины имеет частноправовое начало и неприменимо к государству, кроме того вина, при формальной законности действий должностных лиц, не может быть установлена и даже вовсе отсутствует. Далее ученый приводит собственную цепочку умозаключений, колеблясь с ответом на вопрос о последствиях причинения вреда законными действиями должностных лиц. Его рассуждения представляются нам интересными в связи с их практической значимостью и возможностью сопоставления с современными положениями правовой доктрины. В итоге ученый отмечает следующее: «Судебный приговор, по ошибке осудивший невиновного; мера пресечения, принятая по отношению к невиновному, – действительно скрывают в себе существенный внутренний порок, так как направляются против лиц, против которых не должны направляться, к которым у государства нет названного правоотношения, – этот приговор и эти меры не соответствуют действительной воле законодателя и истинным задачам и целям правосудия. Но противоправные с точки зрения основ уголовного права, эти действия правомерны с точки зрения процессуального права, в области особого процессуально-юридического отношения, которое создается между лицом, привлекаемым к уголовному суду, и органами правосудия. Действия эти совершаются в пределах законных полномочий органов

[92] *Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905. С. 13.

[93] *Люблинский П. И.* Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 639–647.

судебно-следственной власти, с соблюдением законных предположений и форм, и скрытый внутренний порок их не лишает их законного характера и не делает причиняемого ими вреда противозаконным. Таким образом, изложенная аргументация в сторону обоснования юридической обязанности государства вознаградить указанный вред – падает»[94].

Потерпевший и должностное лицо, по мнению ученых, не являлись субъектом ответственности за вред, причиненный в результате деятельности органов уголовной юстиции, ответственным выступало само государство. В такой ситуации уместна дисциплинарная ответственность должностного лица, а материальная ответственность правомерна и политически оправданна лишь при злоупотреблении вверенными служащим полномочиями, грубой небрежности, приближающейся к умыслу. Между тем авторы не исключали возможности в будущем, при большом росте сил государства, в случае установления в деяниях должностных лиц преступлений взыскивать в возмещение понесенных государством расходов соответствующие суммы с виновного, не исключалась и возможность возложения на казну субсидиарной ответственности за деятельность чиновников[95].

Следует сказать, что многие положения, обоснованные русскими юристами, в частности тезисы о том, что компенсация вреда невинно пострадавшим гражданам выступает в качестве необходимой основы, предпосылки правового государственного строя, средства укрепления доверия между гражданином и государством; о соотношении гражданского и государственного права и их роли в процессе установления и регулирования государственной ответственности; о том, что непосредственная ответственность должностных лиц перед гражданами в случае причинения ущерба в сфере уголовного правосудия не имеет под собой достаточной юридической, политической, социальной почвы, в настоящее время нашли законодательное признание.

Несмотря на всестороннее теоретическое обоснование необходимости установления ответственности государства перед личностью, утверждение данного принципа в действительности проходило с трудом.

Как указывает Г. З. Климова, «ценные рекомендации русских юристов после Великой Октябрьской революции были незаслуженно забыты. Разрушение "буржуазных" юридических институтов сопровождалось отрицанием прежних правовых идеалов и, в частности, права на предъявление исков к государству. Нигилистическое отношение к субъективным личным правам выразилось и в том, что изучение проблемы ответственности власти практически прекратилось. В условиях экономической нестабильности, финансовых трудностей власть отказалась принять на себя обязанность компенсации ущерба, причиненного неправомерными актами своих органов. Установление общего правила об ответственности государства было признано опасным ввиду возможного ущемления авторитета государственной власти и предполагаемых высоких государственных расходов. Поскольку принцип разделения властей отрицался, и государственные органы рассматривались в качестве элементов интегрального аппарата государства, они не признавались ответственными за причинение ущерба в публичной сфере, за исключением строго ограниченных законодательством случаев. Государство как таковое не подлежало привлечению к суду: презюмировалось, что социалистический строй исключает нарушение прав граждан народной властью. Безответственность также являлась зеркальным отражением теории обострения классовой борьбы в период построения социализма: мощь государства следовало всемерно укреплять, а не ослаблять, поэтому сами дискуссии о расширении его ответственности были признаны излишними. В условиях господства административно-командной системы власти было не

---

[94] *Розин Н. Н.* Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям (2-е изд., изм. и доп.). СПб., 1914. С. 523–524.

[95] См., напр.: *Люблинский П. И.* Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 663; *Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905. С. 14.

принято говорить и писать о следственных и судебных ошибках, о необходимости возмещения гражданину причиненного вреда. Государство во многом игнорировало свои обязанности перед гражданами, пострадавшими от незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия и суда»[96].

«На реабилитацию утвердился упрощенный взгляд – как на признание невиновности обвиняемого (подсудимого, осужденного). Из нее исключалось едва ли не самое основное – компенсационные и правовосстановительные меры, которые призваны возвратить гражданину прежнее имущественное и социальное положение»[97], – отмечает М. И. Пастухов.

Гражданский кодекс РСФСР, введенный в действие 1 января 1923 г., в ст. 407-а содержал положение об ответственности госучреждений, в том числе судебных, следственных органов и прокуратуры, за служебные действия их должностных лиц в области административного управления, однако ответственность госучреждений наступала лишь в случаях, особо указанных законом[98]. Названная статья отсылала к несуществующим нормативно-правовым актам, а также предусматривала ответственность госучреждений, а не государства непосредственно, что не позволяет говорить о надлежащем законодательном закреплении рассматриваемого принципа.

Еще одним нормативным актом этого времени, содержащим положения об ответственности государства, был Циркуляр Наркомата юстиции, Наркомата внутренних дел и Прокуратуры СССР от 5 декабря 1936 г., согласно которому реабилитированному гражданину должны были полностью возмещать суммы, удержанные из его заработка в процессе исполнения приговора[99]; однако указанным нормативным актом предусматривалась ответственность не за все виды вреда, причиненного гражданину неправильными действиями должностных лиц органов государственной власти, и не в полном размере.

Отдельные нормативные акты затрагивали некоторые вопросы реабилитации, не решая проблемы в целом.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении № 7 от 29 сентября 1953 г. «О судебной практике по применению конфискации имущества» закрепил, что в случае исключения вышестоящим судом конфискации из приговора суд, вынесший приговор, обязан независимо от просьбы осужденного по получении определения вышестоящего суда направить копию определения финансовому органу, в распоряжение которого поступило конфискованное имущество, для исполнения – возврата имущества или возмещения его стоимости[100].

Постановлением Совета Министров СССР от 8 сентября 1955 г. № 1655 было установлено положение о выплате двухмесячной зарплаты лицам, необоснованно привлекавшимся к уголовной ответственности. Условие возмещения ущерба – оправдательный приговор или прекращение уголовного дела. С требованием о выплате реабилитированный должен был обратиться к администрации предприятия, из средств которого эти суммы и возмещались, а в случае отказа в выплате гражданин имел право на обращение с иском в суд. В случае посмертной реабилитации двухмесячная зарплата выдавалась семье. Время нахождения граждан в местах лишения свободы, ссылки, а также время отбывания исправительно-трудовых работ засчитывалось в общий трудовой стаж и в стаж работы по специальности; администрация предприятия должна была вносить в трудовые книжки соответствующую запись.

---

[96] *Климова Г. З., Сенякин И. Н.* Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов, 2005. С. 147–148.

[97] *Пастухов М. И.* Реабилитация невиновных. Основы правового института: Автореф. дис… канд. юрид. наук. Минск, 1993. С. 5.

[98] СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

[99] См.: Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников. Т. 1.М., 1949. С. 496.

[100] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 г. № 7 «О судебной практике по применению конфискации имущества» // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф.

В непрерывный трудовой стаж оно включалось, если перерыв между днем извещения о реабилитации или освобождения из мест заключения или ссылки и днем поступления на работу не превышал 6 месяцев. Исполкомы местных Советов депутатов трудящихся были обязаны в первую очередь обеспечивать таких граждан жильем[101].

Не стало переломным моментом в законодательном закреплении принципа государственной ответственности перед личностью и принятие Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 8 декабря 1961 г., несмотря на предшествовавшие его появлению полемику в научной среде и публикации юристов[102]. Как указывают В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова, ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик стала «результатом компромисса между теми, кто защищал расширение ответственности государства, и теми, кто сопротивлялся ему»[103].

В результате ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик обладала теми же недостатками, что и ранее действовавшие нормативно-правовые акты: она содержала отсылку к специальному законодательству, регулирующему порядок возмещения вреда государственными органами, при отсутствии такого законодательства, и упоминание об ответственности государственных органов за возмещение вреда.

Важным моментом стало принятие 7 октября 1977 г. Конституции СССР, где в ст. 58 предусматривалось право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей[104]. В отличие от ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 58 Конституции СССР не ссылалась на специальное законодательство, а в императивном порядке наделяла данным правом граждан СССР. Интересно, что в Проекте Конституции ст. 58 была сформулирована иначе: возмещение ущерба должно было производиться «способом и в пределах, указанных законом». Исключение из Проекта данной отсылочной нормы было вполне оправданно, поскольку тем самым устанавливался принцип полной и безусловной ответственности за ущерб, причиненный государственными органами и должностными лицами. Несмотря на сказанное, данная конституционная норма не имела практического применения, поскольку механизм реализации указанного права не был создан.

И лишь с принятием 18 мая 1981 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» и Положения «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», утвержденного вышеназванным Указом[105], а также утверждением 2 марта 1982 г. Инструкции «По применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда»[106] принцип ответственности государства получил должное законодательное закрепление и регулирование.

---

[101] Постановление Совета Министров СССР от 8 сентября 1955 года № 1655 // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф.

[102] См., напр.: *Антимонов В., Флейшиц Е.* Проект Основ гражданского законодательства// Советская юстиция. 1960. № 8. С. 6–7; *Брагинский М. И.* К вопросу об ответственности за чужие действия по советскому гражданскому праву// Труды. М., 1961. Т. 1, С. 81; *Толстой Ю. К.* О проекте Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Правоведение. 1960. № 4. С. 45; *Строгович М. С.* Теоретические вопросы советской законности// Советское государство и право. 1956. № 4. С. 25.

[103] *Бойцова В. В., Бойцова Л. В.* Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах. Тверь, 1993. С. 35–36.

[104] Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 14.

[105] Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 21. Ст. 741. Далее— Указ, Положение.

[106] Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1984. № 3. Далее – Инструкция.

Указанные нормативно-правовые акты стали тем самым «специальным законодательством», регламентирующим реализацию принципа возмещения вреда, о котором упоминается в ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

Кроме того, названная статья Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик претерпела существенное изменение, словосочетание «государственные органы» было заменено законодателем на «государство», что и позволяет говорить о признании принципа ответственности государства перед личностью.

Произошедшие изменения послужили причиной появления большого количества публикаций, авторы которых положительно оценивали данные новеллы законодательства[107].

Отмечая в целом принятие и вступление в силу нормативно-правовых актов этого периода как положительное с точки зрения формирования правового государства явление, В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова указывают и на недостатки: отсутствие научного и практического обсуждения принимаемых новелл, игнорирование опыта зарубежных стран и отсутствие надлежащего механизма гарантий защиты права на возмещение ущерба[108].

Тем не менее упомянутые Указ, Положение и Инструкция и по сей день остаются действующими нормативно-правовыми актами в части, не противоречащей УПК РФ, в котором впервые в истории отечественного уголовно-процессуального законодательства институт реабилитации получил правовое закрепление в специальной главе.

[107] См., напр.: *Козлов Ю., Донцов С.* Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей // Советская юстиция. 1982. № 16. С. 14–15; *Кун А. П.* Вопросы возмещения вреда, причиненного гражданину актами власти// Правоведение. 1983. № 6. 78–81; *Ярошенко К. Б.* Возмещение вреда, причиненного гражданам действиями должностных лиц // Советское государство и право. 1982. № 8. С. 135–142.

[108] См.: *Бойцова В. В., Бойцова Л. В.* Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах. Тверь, 1993. С. 37–38.

Глава 3
Современное состояние института реабилитации в российском законодательстве

1. Основные положения института реабилитации в российском законодательстве

Говоря о реабилитации как об ответственности государства перед личностью за причиненный ей действиями должностных лиц государственных органов ущерб, мы вновь пытаемся перенести теоретические основания возмещения такого ущерба в практическую действительность.

Основополагающие нормы института реабилитации содержатся в ст. 53 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Ставшие отправной точкой для развития и становления института реабилитации в России положения Конституции РФ конкретизированы в главе 59 Гражданского кодекса Российской Федерации[109], закрепляющей нормы об обязательствах вследствие причинения вреда.

По сравнению со ст. 53 Конституции РФ в ГК РФ расширен круг лиц, имеющих право на возмещение вреда, причиненного действиями (бездействием) государственных органов и их должностных лиц. В их числе названы не только граждане, но и юридические лица.

Так, ст. 1069 ГК РФ закрепляет общие положения о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления. При этом в данной статье указано, что вред возмещается за счет, соответственно, казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В ст. 1070 ГК РФ изложены частные случаи возмещения вреда гражданину при незаконном осуждении, незаконном привлечении к уголовной ответственности, незаконном применении в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконном привлечении к административной ответственности в виде административного ареста, а также юридическому лицу при незаконном привлечении к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности. Установлено, что вред возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом[110].

В остальных же случаях, если в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда гражданину или юридическому лицу причиняется вред, он подлежит возмещению по основаниям и в порядке, которые предусмот-

---

[109] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая). Принят 22 декабря 1996 г. М., 2004. Далее – ГКРФ.

[110] Законом, о котором идет речь, являются Указ, Положение и Инструкция.

рены ст. 1069 ГК РФ. Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

Требование о необходимости установления вины судьи, вступившим в законную силу приговором суда стало предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

В Постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П Конституционный Суд РФ указал, что в случаях противоправного поведения судьи, выразившегося в принятии им незаконного судебного акта по вопросам, не определяющим материально-правовое положение сторон, либо не выраженного в судебном акте, его вина может быть установлена не только приговором суда, но и иным судебным решением[111].

Суть и ценность указанного Постановления Конституционного Суда РФ сводится к тому, что оно уточняет содержащееся в п. 2 ст. 1070 ГК РФ положение, согласно которому под осуществлением правосудия понимается не все судопроизводство, а лишь принятие судебных актов, разрешающих дело по существу. Все другие акты, принимаемые судом по гражданскому делу, не охватываются понятием «осуществление правосудия», в таких актах, по мнению Конституционного Суда РФ, главным образом решаются процессуально-правовые вопросы, которые возникают в процессе, и, следовательно, они не относятся к осуществлению правосудия. Таким образом, Конституционный Суд РФ дал определение правосудия, которое стало общеобязательным. А это, в свою очередь, означает, что в случае, если судья издает незаконный акт (или проявляет противоправное бездействие) по вопросам, не относящимся к разрешению дела по существу, его вина может быть установлена не только приговором суда, вступившим в законную силу, но и иным судебным решением. Иным считается и такое судебное решение, которое выносится по иску лица, потерпевшего от действий судьи, допустившего грубое нарушение процедуры.

Таким образом, сужая понятие «осуществление правосудия» и вводя положение об ответственности судей за действия (бездействия), находящиеся за рамками правосудия, но относящиеся к деятельности судей в рамках судопроизводства, Конституционный Суд РФ делает следующий вывод: уголовно не наказуемые, но незаконные виновные действия (или бездействие) судьи в судопроизводстве (нарушение разумных сроков судебного разбирательства, несвоевременное вручение заинтересованным лицам процессуальных документов, неправомерная задержка исполнения и т. п.), причинившие вред конкретным лицам, должны рассматриваться как нарушение права на справедливое судебное разбирательство, что предполагает необходимость справедливой компенсации пострадавшим лицам независимо от того, установлена уголовная вина судьи или нет.

В связи с тем, что ни п. 2 ст. 1070 ГК РФ, ни иными нормами, содержащимися в законодательстве Российской Федерации, указанные случаи не предусмотрены, Федеральному Собранию было рекомендовано в законодательном порядке урегулировать основания и порядок возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда, а также определить подведомственность и подсудность таких дел.

Сделано это не было, и лица, чьи права и свободы нарушены судом в судебном производстве, выходящем за рамки понятия «правосудия», вынуждены отстаивать свои законные интересы, получая бесконечные отказы[112].

Кроме того, указывая в ГК РФ на незаконность действий (бездействий) суда и других государственных органов, законодатель, как, впрочем, и Конституционный Суд РФ, совсем не рассматривает случаи, когда такие действия являются необоснованными. Между тем,

---

[111] Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 3.

[112] См., напр.: Определение Верховного Суда РФ № 49-Г03-13от20марта2003 г. // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф; Определение Верховного Суда РФ № 49-ГОЗ-43 от 16 июня 2003 г. // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф.

будучи законными, но необоснованными, они не менее вредны для лиц, в отношении которых допущены.

Заслугой законодателя стало установление и развитие при разработке ГК РФ положений о денежной компенсации морального вреда, независимо от вины причинителя, в случаях, когда вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ (ст. 1099–1101 ГК РФ).

Рассуждая же о возможности компенсации морального вреда, причиненного юридическому лицу, следует отметить, что этот вопрос решен законодателем в п. 7 ст. 152 ГК РФ, предусматривающем возможность защиты деловой репутации юридического лица путем обращения в суд, в том числе с требованием о возмещении морального вреда.

Однако в судебной практике данной вопрос решается неоднозначно. Скажем, суды общей юрисдикции удовлетворяют подобные требования юридических лиц (организаций), руководствуясь разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, данным им в п. 5 своего Постановления № 10 от 20 декабря 1994 г.[113]

В то же время арбитражные суды, напротив, не считают возможной реализацию юридическим лицом такого способа защиты своей деловой репутации, «поскольку юридическое лицо не может испытывать физических или нравственных страданий»[114].

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, основанной на ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, право на судебную защиту по своей правовой природе может принадлежать как физическим, так и юридическим лицам, при этом оно выступает гарантией других конституционных прав – в частности, права свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и права иметь в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами, – которые распространяются на юридические лица в той степени, в какой эти права по своей природе могут быть к ним применимы[115].

Таким образом, по мнению Конституционного Суда РФ, правило, содержащееся в п. 5 ст. 152 ГК РФ, в части, касающейся защиты деловой репутации гражданина, аналогичным образом применяется и для защиты деловой репутации юридических лиц.

Упоминает Конституционный Суд РФ международный опыт и практику по данному вопросу.

Так, ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являющаяся в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы Российской Федерации, допускает взыскание с государства, виновного в нарушении ее положений, справедливой компенсации потерпевшей стороне, в том числе юридическому лицу, для обеспечения действенности права на справедливое судебное разбирательство. А в решении от 6 апреля 2000 г. по делу «Компания Комингерсол С. А. против Португалии» Европейский Суд по правам человека пришел к выводу о том, что суд не может исключить возможность присуждения коммерческой компании компенсации за нематериальные убытки, которые «могут включать виды требований, являющиеся в большей или меньшей степени "объективными" или "субъективными". Среди них необходимо принять во внимание репутацию компании, неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией (для которых не

---

[113] Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 20 декабря 1994 г. «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 1995. № 29.

[114] Постановление Президиума ВАС РФ № 813/98 от 1 декабря 1998 г. // Вестник ВАС РФ. 1999. № 2.

[115] Определение Конституционного суда РФ № 508-О от 4 декабря 2003 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.

существует четкого метода подсчета) и, наконец, хотя и в меньшей степени, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании»[116].

Согласно ст. 1071 ГК РФ от имени казны по общему правилу выступают финансовые органы, которые и являются ответчиками по искам о возмещении вреда, причиненного гражданам незаконными действиями государственных органов и должностных лиц.

Однако на первых порах практика столкнулась с проблемой: в течение двух лет с момента вступления в силу второй части ГК РФ федеральным бюджетом суммы на указанные цели предусмотрены не были, что значительно затрудняло реализацию положений ст. 1071 ГК РФ[117].

Е. А. Суханов подчеркивает, что Министерство финансов Российской Федерации неоднократно указывало на то обстоятельство, что возмещение морального и материального ущерба, причиненного следственными и судебными органами, не предусмотрено в составе расходов федерального бюджета на соответствующий год, и на этом основании требовало от судов конкретизировать в своих решениях источник выплаты в зависимости от нанесшего ущерб субъекта, например за счет финансирования органов внутренних дел, что само собой сводило на нет требования Конституции РФ и ГК РФ[118].

В п. 3 ст. 1081 ГК РФ указано, что Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда, причиненного должностным лицом органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда, имеют право регресса к этому лицу, если его вина установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

Однако регрессное взыскание понесенных государством расходов с конкретных должностных лиц, виновных в незаконных действиях, не представляется возможным, поскольку факт незаконности действий указанных должностных лиц установить крайне сложно.

Между тем положения Конституции РФ и ГК РФ устанавливают непосредственную ответственность государства за действия государственных органов и должностных лиц.

Законодатель совершенно правильно показал в нормах ГК РФ, что причинитель вреда и субъект ответственности не совпадают. Причинителем вреда является государственный орган либо должностное лицо, субъектом ответственности – само государство, что представляется совершенно правильным с точки зрения соблюдения принципа ответственности государства перед личностью, в основу которого положены отношения, возникающие непосредственно между государством и личностью, а не между государственным органом или должностным лицом и личностью.

Совершенно правильным представляется и закрепление основных положений данного принципа в ГК РФ, поскольку возмещение вреда является универсальным правовым способом защиты нарушенных прав, а гражданское право, будучи материальной отраслью права, устанавливает те неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага, которые защищаются гражданским законодательством, тем самым предоставляя процессуальным отраслям права отправную точку для последующей законодательной регламентации и практического применения.

Между тем п. 3. ст. 2 ГК РФ устанавливает, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том

---

[116] См.: Указанное Определение Конституционного Суда РФ.

[117] Федеральный закон «О федеральном бюджете на 1996 год» от 31 декабря 1995 г. № 228-ФЗ. Принят 6 декабря 1995 г. // Российская газета. 1996. № 4; Федеральный закон «О федеральном бюджете на 1997 год» от 26 февраля 1997 г. № 29-ФЗ. Принят 24 января 1997 г. // Российская газета. 1997. № 43–44.

[118] *Суханов Е. А.* Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // Вестник ВАС РФ. 2001. № 3. С. 124.

числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

Поскольку отношения между личностью и государством носят публичный характер, а порядок и процедура их регулирования – процессуальный, нам представляется, что институт реабилитации следует рассматривать в контексте процессуальных отраслей права.

Анализируя действующее процессуальное российское законодательство, мы находим надлежащее законодательное признание и закрепление института реабилитации в нормах уголовно-процессуального права, при этом в других отраслях он не находит прямого выражения, а представлен отдельными положениями, носящими фрагментарный характер и преследующими цель возмещения причиненного лицу вреда, если такой вред имел место при осуществлении правосудия и реализации некоторых процессуальных процедур.

Давая краткую характеристику тому, что из себя представляет процессуальное законодательство, следует сказать о его формализме, четкости, обязательности, средствах обеспечения и принуждения.

Так, формализм выражается в том, что каждое действие имеет определенную форму и не может быть совершено иначе, чем того требует процессуальный закон.

Четкость выражается в конкретности каждой процессуальной нормы как во времени и пространстве, так и в отношении определенного круга лиц.

Обязательность выражается в характере процессуальных норм, которые, являясь публичными, в императивной форме предусматривают выполнение властных предписаний всеми лицами и государственными органами.

Средства обеспечения и принуждения – методы и способы, обеспечивающие выполнение всеми участниками процессуальных отношений предписаний соответствующей процессуальной нормы.

Таким образом, лицо, вовлеченное в сферу процессуальных отношений, становится обязанным соблюдать все формальности процессуального законодательства, хочется ему этого или нет, ибо в противном случае государство в лице созданных им органов и принудит лицо к выполнению его процессуальных обязанностей.

Несомненно, лицо в таком случае терпит определенные лишения, ему причиняется вред, его права ущемляются силой государственного принуждения.

Все становится понятным, когда мы дополняем сказанное о процессуальном законодательстве знаниями о сущности права.

Право, в соответствии с теорией, представляет собой систему общеобязательных, формально определенных юридических норм, выражающих общественную, классовую волю, устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений.

Очевидно, такие принципы права, как справедливость, гуманизм, равенство граждан перед законом и судом, составляют его суть, а соблюдение этих принципов обеспечивается средствами государственного принуждения. Однако вовлечение в данные отношения совершенно постороннего человека, к которому необоснованно применяются меры принуждения, является негативным обстоятельством, выходящим за рамки нормальных общественных отношений.

В таком случае лицу необходима законодательно установленная возможность восстановления его прав и возмещения причиненного ущерба, которая станет средством исправления последствий, вызванных применением государством мер принуждения в процессуальных отношениях.

В настоящее время вопрос этот разработан слабо. Процессуальное законодательство, за исключением уголовного, не знает ни термина «реабилитация», ни большинства положений данного правового института, при этом, по нашему мнению, особое внимание исследо-

вателей и законодателя должно быть уделено вопросу внедрения института реабилитации в производство по делам об административных правонарушениях, которое по своему характеру является весьма жестким и императивным для некоторых участников данного вида производства, в частности для лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении.

Так, основные положения производства по делам об административных правонарушениях изложены в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях[119], где в ст. 27.1 перечислены следующие меры обеспечения производства по делу, применяемые в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления:

1) доставление;

2) административное задержание;

3) личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов;

4) изъятие вещей и документов;

5) отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида;

6) медицинское освидетельствование на состояние опьянения;

7) задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации;

8) арест товаров, транспортных средств и иных вещей;

9) привод;

10) временный запрет деятельности.

Несомненно, применение к лицу указанных мер существенно ограничивает его права, свободы, а также причиняет имущественный и моральный вред, однако надлежащее применение данных мер соответствует задачам законодательства об административных правонарушениях. Если же меры эти применяются к лицу незаконно или необоснованно, то ситуация приобретает совершенно иной характер. Лицо, сталкиваясь с государственной машиной, нуждается в гарантиях восстановления своих прав, свобод и возмещения вреда в полном объеме.

Гарантии возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, содержатся в ч. 2 ст. 27.1 КоАП РФ, в соответствии с которой такой вред подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Вот и все гарантии предоставленные лицу, вовлеченному в производство по делу об административном правонарушении. Более в статьях КоАП РФ мы не находим ни одной нормы.

Как отмечает Пленум Верховного Суда РФ, требования о возмещении материального и морального вреда, причиненного незаконным применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ч. 2 ст. 27.1 КоАП РФ) и незаконным привлечением к административной ответственности, подлежат рассмотрению в соответствии с гражданским законодательством в порядке гражданского судопроизводства[120].

---

[119] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Принят 20 декабря 2001 г. // Российская газета. 2001. № 256. Далее – КоАП РФ.

[120] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

Между тем предметом правового регулирования административного права выступают отношения, возникающие в сфере государственного управления, правовое регулирование здесь осуществляется с помощью императивного метода, что придает данной отрасли права публичный характер, а нормы и институты, содержащиеся в КоАП РФ, по своей процессуальной природе приближают его к уголовно-процессуальному праву.

Анализ Особенной части КоАП РФ, содержащей составы различных административных правонарушений, показывает, что задачами административного законодательства являются регулирование общественных отношений и недопущение каких-либо социальных отклонений.

Общеизвестно, что социальные отклонения в поведении – выражение негативного отношения индивида или социальной группы к соблюдению действующих законов и норм морали, сложившихся в обществе.

Социальные отклонения можно классифицировать по ряду оснований. Наиболее распространено их деление в зависимости от вида нарушаемой нормы: на преступления и правонарушения (административные, гражданские, трудовые и пр.), а также аморальные проступки.

На наш взгляд, деление социальных отклонений на административные правонарушения и преступления весьма условно. Об этом говорит как современная правоприменительная практика, так и мировой опыт[121].

Уголовное и административное право устанавливают ответственность за нарушение норм различных отраслей права. Единство материальной природы объекта преступлений и административных правонарушений ставит перед законодателем проблему разграничения преступлений и административных правонарушений и, прежде всего, их смежных составов. В КоАП РФ и Уголовном кодексе Российской Федерации[122] содержится около 100 таких «пограничных» составов[123].

Сказанное подчеркивает сходство административного права с уголовным и уголовно-процессуальным.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, масштабы роста регистрируемых в стране административных правонарушений таковы, что в 1996 г. только по инициативе милицейских служб привлечен к ответственности каждый третий гражданин России[124].

Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел РФ, в 2003 г. органами внутренних дел было зарегистрировано 2 млн 756 тыс. преступлений, в 2004 г. – 2 млн 894 тыс., в 2005 г. – 3 млн 555 тыс.[125]

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2003 г. мировыми и районными судами было рассмотрено 3 млн 273 тыс. дел об административных правонарушениях, в 2004 г. – 3 млн 798 тыс., в 2005 г. – 4 млн 287 тыс.[126]

Однако, государственные органы и должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, как показывает судебная и прокурорская

---

[121] *Стуканов А. П.* Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации. СПб., 2000. С. 15–16.

[122] Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. Далее – УК РФ.

[123] *Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П.* Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики// Правоведение. 2005. № 3. С. 58–59.

[124] *Рохлин В. И., Стуканов А. П.* Актуальные проблемы борьбы с административными правонарушениями // Правоведение. 1998. № 3. С. 95.

[125] Общие сведения о состоянии преступности в РФ за 2003–2005 гг. // Официальный сайт МВД РФ.

[126] Статистические справки о работе судов общей юрисдикции за 2003–2005 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

практика последних лет, не всегда правильно применяют административное законодательство, что служит причиной вовлечения в производство по делам об административных нарушениях непричастных к ним лиц.

Так, постановлением судьи Октябрьского районного суда от 16 ноября 1994 г. гражданка А. была привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 150 КоАП РСФСР и подвергнута штрафу в размере 10 250 рублей.

Гражданка А. признана виновной в том, что 15 ноября 1994 г. в 12 часов на Сенной площади в Санкт-Петербурге торговала с рук в неустановленном месте парой сапог.

Заместитель прокурора Санкт-Петербурга в протесте поставил вопрос об отмене судебного постановления в отношении гражданки А. и о прекращении административного производства по следующим основаниям. В соответствии со ст. 20 КоАП РСФСР не подлежит административной ответственности лицо, которое во время совершения противоправного действия или бездействия находилось в состоянии невменяемости.

Проверкой, проведенной прокуратурой Санкт-Петербурга, установлено, что гражданка А. состоит на учете в ПНД с диагнозом «шизофрения» и является инвалидом 2-й группы.

Вопрос о вменяемости гражданки А. в момент инкриминируемого ей административного правонарушения в ходе производства по делу об административном правонарушении не исследовался.

Постановлением председателя Санкт-Петербургского городского суда от 16 ноября 1995 г. протест прокурора удовлетворен, производство по административному делу в отношении гражданки А. прекращено[127].

Недавняя история показывает, что в Санкт-Петербурге 1/3 органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, ежегодно привлекали к административной ответственности граждан больше, чем жителей города, достигших возраста, с которого наступает административная ответственность[128].

Порядка 7 тыс. административных дел были в 2004 г. прекращены судами Санкт-Петербурга, в том числе с освобождением от административной ответственности[129].

Между тем, за каждым таким делом кроется незаконное или необоснованное применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении или установление и применение одного или нескольких достаточно суровых видов административного наказания, среди которых, в соответствии с ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ:

1) предупреждение;

2) административный штраф;

3) возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения;

4) конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения;

5) лишение специального права, предоставленного физическому лицу;

6) административный арест;

7) административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства;

8) дисквалификация;

---

[127] *Стуканов А. П.* Обзор практики рассмотрения протестов прокуроров… на постановления судей по административным делам за 1995 г. // Юридическая практика. Изд-во СПбГУ. 1996. № 2 (5). С. 74–75.

[128] *Стуканов А. П.* Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации. СПб., 2000. С. 76.

[129] Отчет о рассмотрении федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями дел об административных правонарушениях Судебного департамента Санкт-Петербурга при Верховном Суде РФ за 2004 г.

9) административное приостановление деятельности.

Учитывая изложенное, можно заключить, что при жесткости процессуальных норм административного законодательства, приближающихся к жесткости уголовно-процессуальных норм, и отсутствии в КоАП РФ надлежащего механизма восстановления нарушенных прав и возмещения вреда лицам, незаконно или необоснованно вовлеченным в производство по делам об административных правонарушениях, существует острая необходимость в разработке и законодательном закреплении института реабилитации в так называемом «административном процессе».

Гражданское процессуальное право и арбитражное процессуальное право исключают возможность ответственности государства перед личностью в рамках данных видов судопроизводства.

Казалось бы, о какой ответственности государства может идти речь в гражданском или арбитражном процессуальном праве, когда государство в лице судебных органов является здесь лишь арбитром и, если выступает в качестве одной из сторон, то пользуется равными правами по сравнению со стороной противной?

Однако основания для установления ответственности государства имеются. Речь идет о случаях незаконных или необоснованных действий (бездействии) должностных лиц государственных органов в рамках их процессуальной деятельности, выражающихся в вовлечении государственным органом (должностным лицом) «постороннего» лица в судопроизводство по основаниям, не являющимся законными или обоснованными, нарушении судом требований процессуального законодательства, нарушение сроков рассмотрения дел, перерастающее в откровенную волокиту, принятии решений в поддержку участников процесса, злоупотребляющих своими процессуальными правами без всестороннего дополнительного выяснения обстоятельств дела, аморальном поведении судьи.

Такие основания могут возникнуть, например, в случае, когда иск заявлен к ненадлежащему ответчику.

Существует вероятность допущения злоупотребления правами, неосмотрительности или ненадлежащего выполнения обязанностей, как истцом, так и судом, рассматривающим дело.

Между тем причиняемый вред состоит как в экономических потерях (оплата услуг представителя, собирание доказательств, явка в суд и т. д.), так и в моральных переживаниях лица, участвующего в деле, потерпевшего от недобросовестной стороны или суда.

Как отмечает Г. З. Климова «ментальность российских граждан такова, что один только вызов в суд по повестке в качестве ответчика означает для них "привлечение к суду", и в народе часто не делают различий между уголовным и гражданским судебным разбирательством, для большинства людей это тяжелое моральное испытание»[130]. Далее автор задается вопросом: «Что же тогда чувствует человек, которого незаслуженно признали должником и взыскали с него имущество?»[131]

В соответствии с ч. 1 ст. 41 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[132], суд при подготовке дела или во время разбирательства в суде первой инстанции может допустить по ходатайству или с согласия истца замену ненадлежащего ответчика надлежащим.

Как видно, право замены ответчика принадлежит только истцу. Но истец может не заявить ходатайства или не согласиться с предложением суда о замене ненадлежащего ответ-

---

[130] *Климова Г. З.* К вопросу о правовой реабилитации: теоретический аспект // Вестник Саратовской государственной академии права. 2003. № 3 (36). С. 38.

[131] Там же.

[132] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят 23 октября 2002 г. // Российская газета. 20.11.2002. № 220. Далее – ГПК РФ.

чика, в свою очередь, суд может по тем или иным причинам не допустить замену ненадлежащего ответчика, о которой ходатайствует истец.

Если замена ненадлежащего ответчика так и не была произведена, рассмотрение дела по предъявленному иску продолжается.

Нормой, гарантирующей защиту нарушенных прав лица, необоснованно вовлеченного в чуждый ему гражданский процесс, остается ст. 99 ГПК РФ, устанавливающая, что со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени, при этом размер компенсации определяется судом в разумных пределах и с учетом конкретных обстоятельств.

Однако это не совсем реабилитация, и неправомерной деятельности суда данная статья не затрагивает.

Кроме того, практического применения данная статья не находит, что не позволяет эффективно бороться с ростом процессуальных нарушений, и, как отмечается в литературе, на это есть ряд причин[133].

Во-первых, санкция незначительна и потому недостаточно эффективна, она не может возмещать нанесенный пострадавшей стороне ущерб.

Во-вторых, требования о компенсации за фактическую потерю времени может заявить только физическое лицо, являющееся стороной по делу (при этом законодателем не дается оценка злоупотреблениям других участвующих в деле лиц), так как юридическое лицо или государственный орган, чьи представители в суде действуют в рамках определенного поручения на представление интересов, фактически выполняют свою трудовую функцию.

В-третьих, не ясно, что следует понимать под недобросовестностью и как четко отграничить ее от добросовестного заблуждения.

В-четвертых, необходимо уточнить, что конкретно является основанием взыскания (факт потери времени или возникшие по этой причине неблагоприятные последствия), какие доказательства позволяют заключить, что поведение стороны недобросовестно, по чьей инициативе (суда или стороны) может быть произведено взыскание.

В-пятых, непонятно, каким образом должна быть установлена вина стороны злоупотребляющей правами.

И, наконец, неясно, как должен определяться размер компенсации и какие обстоятельства суд должен принимать во внимание.

Разрешение названных проблем позволит лицу, в отношении которого были допущены процессуальные злоупотребления, частично компенсировать свои убытки, связанные с явкой в суд, потерей времени и прочими неудобствами.

Так, попытки решения указанных выше вопросов предпринимались Верховным Судом РФ[134], однако этого оказалось недостаточно, суды как остерегались ранее применять положения ст. 99 ГПК РФ (ст. 92 ГПК РСФСР), так продолжают делать это и сейчас. В данном направлении необходима поддержка законодателя.

Если же по предъявленному иску с участием ненадлежащего ответчика все же состоится решение суда с приведением его в исполнение, то, в случае отмены такого решения и

---

[133] См., напр.: *Кулаков Г., Орловская Я.* Обязанности сторон в гражданском процессе // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 22–23; *Рязанова А.* Причины «процессуального бессилия» сторон в споре //Российская юстиция. 1999. № 2. С. *21;Шишкин С. А.* Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 1997. С. 58; *Юдин А. В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005. С. 184–338.

[134] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3. С. 18; Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного Суда РФ: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 7. С. 16.

принятия после нового рассмотрения дела решения суда об отказе в иске полностью или в части либо определения о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения, ответчику возвращается все, что было с него взыскано в пользу истца по отмененному решению суда. Называется данное положение поворотом исполнения решения суда и регламентируется ст. 443, 444 и 445 ГПК РФ.

Основания для восстановления прав и возмещения причиненного ущерба имеются и в случае привлечения лица в качестве надлежащего ответчика, но несоответствия применения судом мер по обеспечению иска, принятых по заявлению лиц, участвующих в деле.

Меры по обеспечению иска указаны в ст. 140 ГПК РФ:

1) наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц;

2) запрещение ответчику совершать определенные действия;

3) запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства;

4) приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста (исключении из описи);

5) приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке.

В необходимых случаях, если непринятие мер по обеспечению иска может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда, он (суд) может принять иные меры по обеспечению иска. Кроме того, суд может применить несколько мер по обеспечению иска.

При этом ч. 3 ст. 140 ГПК РФ устанавливает, что меры по обеспечению иска должны быть соразмерны заявленному истцом требованию. В то же время в ст. 141 ГПК РФ указано, что заявление об обеспечении иска рассматривается судом без извещения ответчика и других лиц, участвующих в деле, ответчику направляется лишь копия определения.

Если же обеспечительные меры явно не соответствуют заявленным истцом требованиям либо если вступившим в законную силу решением суда в иске будет отказано, ответчик вправе предъявить к истцу иск о возмещении убытков, причиненных ему мерами по обеспечению иска, принятыми по просьбе истца.

Действиям же суда законодатель вновь не дает оценки.

Между тем применение указанных мер по обеспечению иска может быть вызвано и злоупотреблением со стороны лица, заявляющего данные требования, своими процессуальными правами, независимо от того, к надлежащему или ненадлежащему ответчику либо иному лицу такие требования заявлены.

Как указывает В. Бакшинскас, в подобных случаях меры по обеспечению иска зачастую уже не выступают как средство достижения (обеспечения) цели иска, а сами по себе становятся его целью, при этом характер и виды обеспечительных мер ограничиваются лишь фантазией судьи[135].

Однако, вынося определения о принятии мер по обеспечению иска, руководствуясь «судейским усмотрением», не задумываясь над последствиями своих действий и всесторонне не исследуя заявляемые требования о применении обеспечительных мер, судья своими действиями причиняет не только нравственные страдания, но и имущественный вред лицам, чьи права ограничиваются принимаемыми судом мерами.

Таким же образом решены вопросы, касающиеся восстановления прав и возмещения причиненного ущерба, в арбитражном процессуальном законодательстве, с присущими ему особенностями, главной из которых является то, что в данном виде судопроизводства, как

[135] *Бакшинскас В.* Можно ли судиться с судом// СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф.

правило, участвует юридическое лицо[136]. Однако, по нашему мнению, последнее в данном случае не является субъектом реабилитации, поскольку таковым может быть только физическое лицо, но имеет право на применение положений института реабилитации в отношении причиненного ему ущерба, о чем речь пойдет в следующих параграфах настоящей главы.

Так, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации[137] не содержит положения о компенсации за фактическую потерю времени, в случае предъявления иска к ненадлежащему ответчику, предоставляя возможность отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ).

Поворот исполнения судебного акта регламентирован ст. 325 АПК РФ, устанавливающей, что в случае, если приведенный в исполнение судебный акт отменен полностью или в части и принят новый судебный акт о полном или частичном отказе в иске, либо иск оставлен без рассмотрения, либо производство по делу прекращено, ответчику возвращается все то, что было взыскано с него в пользу истца по отмененному или измененному в соответствующей части судебному акту.

Что же касается обеспечительных мер, то арбитражный процесс знает такой вид обеспечения, как встречное, гарантирующее возмещение возможных для ответчика убытков путем внесения на депозитный счет суда денежных средств в размере, предложенном судом, либо предоставления банковской гарантии, поручительства или иного финансового обеспечения на ту же сумму. Размер встречного обеспечения может быть установлен в пределах имущественных требований истца, указанных в его заявлении, а также суммы процентов от этих требований, и не может составлять менее половины размера имущественных требований.

Кроме того, ст. 98 АПК РФ устанавливает, что ответчик и другие лица, которым обеспечением иска причинены убытки, после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска вправе требовать от лица, ходатайствовавшего об обеспечении иска, возмещения убытков путем предъявления иска.

Как видно из рассмотрения положений гражданского и арбитражного процессуального права, законодатель, предоставляя лицу некоторые гарантии в отношении злоупотребления правами со стороны контрагента, вовсе не придает значения тому обстоятельству, что причиной наступления неблагоприятных последствий для лиц, незаконно или необоснованно вовлеченных в процесс, могут быть действия либо бездействия суда.

Таким образом, представляется необходимым установить реабилитацию в гражданском и арбитражном процессах.

Думается, что в данных видах судопроизводства институт реабилитации должен иметь место в случаях, указанных выше, а именно: вовлечения государственным органом (должностным лицом) «постороннего» лица в судопроизводство по основаниям, не являющимся законными или обоснованными; нарушения судом требований процессуального законодательства; нарушения сроков рассмотрения дел, перерастающего в откровенную волокиту, принятия решений в поддержку участников процесса, злоупотребляющих своими процессуальными правами, без всестороннего дополнительного выяснения обстоятельств дела; аморального поведения судьи.

---

[136] Арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности с участием юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также, в частности, дела по спорам о создании, реорганизации и ликвидации организаций; об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей; между акционером и акционерным обществом, участниками иных хозяйственных товариществ и обществ, вытекающим из деятельности хозяйственных товариществ и обществ.

[137] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят 14 июня 2002 г. // Российская газета. 27.07.2002. № 137. Далее – АПК РФ.

Причинение вреда, вызванное действиями лиц, выступающих в процессе и злоупотребляющих правом, также, по нашему мнению, должно получить подробную регламентацию в процессуальном законодательстве, оставаясь, однако, за рамками положений института реабилитации.

Вместе с тем нельзя согласиться с встречающейся в литературе точкой зрения о необходимости установления персональной ответственности судей, когда требования о возмещении причиненного вреда предъявлялись бы непосредственно к судье, действиями которого, по мнению лица, ему причинен вред[138]. Ведь не случайно законодателем для судей установлен определенный иммунитет, который служит действенным инструментом обеспечения принципа разделения властей и исключает различные попытки внести дисбаланс в организацию судебной ветви власти. В этом смысле институт реабилитации, в рамках которого государство берет на себя все бремя ответственности, является, по нашему мнению, наиболее оптимальным регулятором общественных отношений.

Однако мы считаем вполне допустимой регрессную ответственность судей: государство, осуществляя возмещение вреда, будет удерживать средства из денежного довольствия конкретного судьи, решением, действием или бездействием которого лицу был причинен вред, в последствии возмещенный государством, в заранее определенных законодателем размерах, в порядке, установленном трудовым и гражданским законодательством.

Сказанное в полной мере относится и к должностным лицам иных государственных органов.

Для реализации данного предложения, представляется необходимым дополнить главу 39 Трудового кодекса Российской Федерации[139] положением, в соответствии с которым работник будет признан материально ответственным перед работодателем за свои виновные противоправные действия (бездействия), причинившие третьему лицу ущерб, который был компенсирован указанному лицу работодателем, в случае, если незаконным или необоснованным действиям работника дана соответствующая правовая оценка в судебном решении (установлена его вина), вступившем в законную силу.

С учетом сказанного представляется необходимым в п. 3. ст. 1081 ГК РФ отметить, что Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда, причиненного должностным лицом органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда, имеют право регресса к этому лицу, если его вина установлена не только приговором суда, вступившим в законную силу, но и иным судебным решением, вступившим в законную силу.

В случаях же невиновного причинения вреда должностными лицами государственных органов, привлечение указанных лиц к какой-либо ответственности представляется ненужным.

Следует согласиться со словами М. А. Краснова о том, что «реализация механизма ответственности властных структур будет свидетельствовать о стремлении людей к достижению большей степени собственной свободы и собственной ответственности, о зрелости народа, осознающего себя способным не только к подчинению сверху, но и к самоорганизации»[140].

---

[138] См., напр.: *Дяченко А. П.* К вопросу о гражданско-правовой ответственности судей в Российской Федерации // Юрист. 2006. № 9. С. 9—11; *Камынин И.* Некоторые аспекты понятия «злоупотребления властью»// Законность. 2001. № 8. С. 25–29; *Колесников Е. В., Селезнева Н. М.* О повышении ответственности судей в Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 22–33.

[139] Трудовой кодекс Российской Федерации. Принят 21 декабря 2001 г.// Российская газета. 2001. № 256. Далее – ТК РФ.

[140] *Краснов М. А.* Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). М., 1995. С. 4–5.

2. Основания и условия применения института реабилитации в российском уголовном судопроизводстве

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу с 1 июля 2002 г., впервые в истории отечественного уголовного судопроизводства закрепляет понятие института реабилитации, его основные положения и порядок реализации.

Раскрывая назначение уголовного судопроизводства, законодатель в ч. 2 ст. 6 УПК РФ указывает, что реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания. Таким образом институт реабилитации возводится в ранг основополагающих принципов уголовного процесса.

Включение института реабилитации в УПК РФ продиктовано необходимостью обеспечения государством соблюдения и защиты закрепленных в главе 2 Конституции Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, оказавшегося вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства.

Деятельность органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда не исключает ошибок, последствия которых могут оказаться крайне негативными для лиц, в отношении которых такие ошибки были допущены.

Институт же реабилитации призван устранить последствия указанных ошибок и представляет собой, в соответствии с п. 34 ст. 5 УПК РФ, порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

Ни о каком привлечении лица к ответственности, ни о каком решении, с которым связывалось бы наступление определенных положительных последствий для лица, в данном легальном определении реабилитации не говорится, вместе с тем делается акцент, что реабилитация – это порядок, который применяется в случае осуществления в отношении лица незаконного или необоснованного уголовного преследования.

Как обоснованно указывает Л. А. Прокудина, «вынесение процессуального решения о невиновности гражданина – только начальный момент реабилитации, ее правовая основа, а реабилитация – это закономерное продолжение вынесения подобного решения, своеобразное исполнительное производство по этому процессуальному решению, заключающееся в принятии мер по восстановлению гражданина в правах»[141].

Таким образом, реабилитация есть право лица, подвергнутого незаконному или необоснованному уголовному преследованию, которым были нарушены его права и свободы, а также причинен вред, требовать от государства восстановления своих прав и свобод, а также возмещения причиненного ему вреда в полном объеме.

Вместе с тем обратная сторона данного права заключается в обязанности государства восстановить права и свободы, а также возместить вред в полном объеме лицу, подвергнутому незаконному или необоснованному уголовному преследованию, которым были нарушены его права и свободы, а также причинен вред.

В соответствии с п. 35 ст. 5 УПК РФ, реабилитированный – это лицо, имеющее право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

---

[141] *Прокудина Л. А.* Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов (науч. – практ. комментарий). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 21.

Представляется, что определения реабилитации и реабилитированного, данные законодателем, противоречат друг другу.

Указывая в п. 34 ст. 5 УПК РФ, что реабилитация это порядок, а не решение, обязывающее государство, законодатель поступает гуманно и честно по отношению к лицу, которому в ситуации его незаконного или необоснованного уголовного преследования важна именно реализация своего права на реабилитацию, а вовсе не пустое решение, которое совершенно бесполезно без последующего надлежащего исполнения.

Между тем законодатель связывает понятие «реабилитированный» именно с соответствующим решением, что представляется неверным.

Согласно определению, данному в п. 35 ст. 5 УПК РФ лицо считается реабилитированным при наличии решения, в котором будет отражено его право на реабилитацию, независимо от последующей реализации права на реабилитацию и, что самое главное, независимо от исполнения государством принятого им на себя обязательства по реабилитации лица, подвергнутого незаконному или необоснованному уголовному преследованию.

Думается, что такая позиция законодателя вызвана его нежеланием допустить последующую реализацию со стороны лица, подвергнутого незаконному или необоснованному уголовному преследованию, своего права на реабилитацию в рамках уголовного судопроизводства и стремлением переместить решение вопросов, возникающих в связи с восстановлением прав и свобод, а также возмещением вреда, в гражданский процесс, чего быть не должно.

Определению, содержащемуся в п. 35 ст. 5 УПК РФ, в полной мере соответствует понятие «реабилитируемый», которое и должно содержаться в указанной норме.

Понятие же и сам термин «реабилитированный», т. е. «восстановленный в правах и свободах, получивший возмещение вреда», уголовному судопроизводству никакой пользы не приносит, поскольку, будучи реабилитируемым, лицо является участником уголовно-процессуальной деятельности государства, будучи реабилитированным – нет.

Институту реабилитации и порядку его реализации посвящена глава 18 УПК РФ, где в ч. 1 ст. 133 указано, что право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, право на устранение последствий морального вреда, право на восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом вред, причиненный лицу в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Таким образом, данный перечень прав и свобод, подлежащих восстановлению, а также вреда, подлежащего возмещению, не является исчерпывающим.

Вместе с тем право на реабилитацию включает в себя основания и условия возникновения данного права.

Мы не согласны с теми авторами, которые считают, что к основаниям возникновения права на реабилитацию следует относить обстоятельства, причиняющие вред или нарушающие права и свободы лица, т. е. незаконное или необоснованное уголовное преследование, а к условиям возникновения права на реабилитацию – обстоятельства, при наличии которых эти основания начинают действовать, связывая такие условия с конкретными решениями должностных лиц, при вынесении которых возникает право на реабилитацию[142].

Такая позиция представляет реабилитацию не как порядок реализации лицом своего права, а как конкретное решение должностного лица, что не соответствует сути института реабилитации.

---

[142] См., напр.: *Прокудина Л. А.* Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов (науч. – практ. комментарий). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 18.

Первоочередное место в реабилитационных отношениях занимает условие возникновения права на реабилитацию, которым служит незаконное или необоснованное уголовное преследование, а не основания, перечисленные в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, которые при отсутствии соответствующих условий сами основания для реабилитации не составляют.

Например, подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, не будет иметь права на реабилитацию в отсутствие такого условия, как незаконное или необоснованное уголовное преследование.

Если рассматривать данный пример с позиции, приведенной выше, то в случае осуществления в отношении лица незаконного или необоснованного уголовного преследования право на реабилитацию у него появится только при условии, что в отношении него будет вынесен оправдательный приговор. Это абсурдно. А если оправдательный приговор вынесен не будет, и суд поддержит позицию предварительного следствия, что тогда делать лицу, в отношении которого осуществлялось незаконное или необоснованное уголовное преследование? Ждать, когда будет отменен вступивший в законную силу обвинительный приговора суда и прекращено уголовное дело по основаниям установленным законом?

Конечно же, нет. Условием наступления права на реабилитацию является незаконное или необоснованное уголовное преследование, и наличия этого условия достаточно для того, чтобы такое право у лица возникло. А основания возникновения права на реабилитацию – это решения, которые подтверждают факты нарушений, допущенных должностными лицами.

В соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ основанием возникновения права на реабилитацию, в том числе права на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, для соответствующих лиц являются[143]:

1. Для подсудимого – оправдательный приговор, отказ государственного обвинителя от обвинения;

2. Для подозреваемого, обвиняемого – прекращение уголовного преследования по следующим основаниям:

– отсутствие события преступления;

– отсутствие в деянии состава преступления;

– непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления;

– отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ;

– отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 1, 3–5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия, соответственно, Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ;

– наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению;

[143] Необходимо отметить, что такая формулировка дает нам основание полагать, что законодатель в данной норме объединяет два права: 1) право на реабилитацию (восстановление прав и свобод, возмещение вреда), связанное с незаконным или необоснованным уголовным преследованием в отношении лица; 2) право на возмещение вреда, связанное с уголовным преследованием (без восстановление прав и свобод и без указания такого условия как законность или обоснованность). Это позволяет говорить либо о расширении границ института реабилитации и возможности любого лица, считающего, что ему причинен вред уголовным преследованием, независимо от того, было ли оно незаконным или необоснованным или нет, либо о неточности и несоответствии п. 34 ст. 5 УПК РФ.

– наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого не-отмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела;

– отказ Государственной Думы Федерального Собрания РФ в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица.

3. Для осужденного – полная или частичная отмена вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по следующим основаниям:

– непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления;

– прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1–6 ч. 1 ст. 24УПК РФ (отсутствие события преступления; отсутствие в деянии состава преступления; истечение сроков давности уголовного преследования; смерть подозреваемого или обвиняемого; отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ; отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 1, 3–5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

4. Для лица, к которому были применены принудительные меры медицинского характера – отмена незаконного или необоснованного постановления суда о применении принудительных мер медицинского характера.

Кроме того, ч. 3 ст. 133 УПК РФ указывает, что право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. Однако на восстановление своих прав и свобод такое лицо, к сожалению, претендовать не может, что представляется неверным.

Из приведенного выше перечня оснований возникновения права на реабилитацию исключаются случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта об амнистии, истечения сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, или принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния.

При анализе приведенных оснований возникновения права на реабилитацию и установленных исключений возникает большое количество вопросов, связанных с отнесением тех или иных оснований к реабилитирующим либо с их исключением из перечня таковых.

Вызывает обоснованные вопросы основание, содержащееся в п. 2 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, в его взаимосвязи с другими положениями кодекса, когда уголовное преследование в отношении подсудимого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения.

М.В. Орлова указывает, например, что «ч. 7 ст. 246 УПК РФ находится в противоречии с общим установлением: тот, чья невиновность установлена в стадии уголовного судопроизводства – при разбирательстве уголовного дела по существу судом первой инстанции,

реабилитации подлежит не путем прекращения уголовного преследования, а путем оправдания его судом»[144].

С данным утверждением согласиться нельзя, поскольку, во-первых, реализация института реабилитации не должна ставиться в зависимость от оправдательного приговора суда, которому предшествует определенный период времени, по своей длительности зависящий от ряда обстоятельств и доходящий иногда до нескольких месяцев. Отказ же государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства до постановления судом оправдательного приговора есть не что иное, как соблюдение основополагающих конституционных принципов и проявление гуманности по отношению к соответствующему лицу. Во-вторых, автор вновь отождествляет реабилитацию с определенным решением, забывая о том, что реабилитация – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

Вопросы в данном случае возникают по другим причинам.

В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Получается, что отказ государственного обвинителя от обвинения в суде влечет за собой реабилитацию подсудимого во всех случаях, независимо оттого, по каким мотивам заявлено о таком отказе и, соответственно, по каким основаниям прекращено уголовное преследование, с чем нельзя согласиться.

Между тем если отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления не вызывают вопросов с точки зрения наличия оснований для реализации положений института реабилитации, то к таким основаниям, как истечение сроков давности уголовного преследования, смерть подозреваемого или обвиняемого, отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 1, 3–5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, следует подходить с большой осторожностью.

В соответствии с исключениями, указанными законодателем в ч. 4 ст. 133 УПК РФ, истечение сроков давности уголовного преследования не влечет за собой право на реабилитацию в отношении лица, когда примененные меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены по данному основанию.

В то же время подсудимому, в отношении которого уголовное преследование прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, и осужденному в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основанию истечения сроков давности

---

[144] *Орлова М. В.* Спорные вопросы реабилитации невиновных по уголовным делам // Российский следователь. 2005. № 2. С. 6.

уголовного преследования право на реабилитацию предоставлено п. 2 и п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ соответственно.

Налицо прямое противоречие. Видимо, согласиться следует с положением ч. 4 ст. 133 УПК РФ: истечение сроков давности уголовного преследования не влечет за собой право на реабилитацию в отношении лица, когда примененные меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены по данному основанию.

Данной позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, указывающий, что прекращение уголовного дела в подобных случаях само по себе не является свидетельством незаконности осуществлявшегося против лица уголовного преследования; оно означает не исправление ошибки или иного нарушения закона, а отказ от дальнейшего доказывания виновности лица, несмотря на то, что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются[145].

Интересную позицию занял Конституционный Суд РФ при решении вопроса о том, каким же все-таки образом лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено по основанию истечения срока давности уголовного преследования, может «восстановить свои права и свободы, а также возместить причиненный вред», указав, что защита прав лица, в отношении которого уголовное дело прекращено ввиду истечения сроков давности, в том числе гарантированных статьями 49 (ч. 1) и 53 Конституции РФ, обеспечивается также предоставлением ему права возражать против прекращения и настаивать на продолжении производства по делу в обычном порядке[146].

Однако представляется, что в определенной ситуации истечение сроков давности уголовного преследования может стать основанием для возникновения права на реабилитацию, и законодателю необходимо уточнить этот момент.

Такое возможно в случае, когда в отношении лица будет осуществляться незаконное уголовное преследование, незаконно применяться меры процессуального принуждения либо состоится незаконный обвинительный приговор и при этом будет установлено, что должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, либо судье, постановившему обвинительный приговор, было заведомо известно об истечении сроков давности уголовного преследования, однако, несмотря на это обстоятельство, указанные действия (бездействие) ими были совершены.

Похожим образом обстоит дело, когда незаконное уголовное преследование осуществляется при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению, а равно при наличии неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Реабилитирующими данные основания будут только в случае, когда незаконное уголовное преследование осуществляется должностными лицами, заведомо знающими о наличии данных обстоятельств в отношении лица.

Представляется, что и такое основание, как смерть подозреваемого или обвиняемого, само по себе не может быть признано влекущим право на реабилитацию. Здесь необходимо уточнить, что основанием для реабилитации в данном случае будет являться последующее

---

[145] Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 279-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рысевой Нины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф.

[146] Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 531-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Седова Георгия Юрьевича на нарушение его конституционных прав положением части второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». ВерсияПроф.

установление того обстоятельства, что в отношении умершего осуществлялось незаконное или необоснованное уголовное преследование. В этом случае о реабилитации могут ходатайствовать наследники, близкие родственники, родственники и иждивенцы умершего, а также суд, прокурор, следователь и дознаватель.

Называя еще одно основание для реабилитации – отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, необходимо также уточнить, что в данном случае лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование частного либо частно-публичного обвинения, имеет дело с нарушением закона со стороны должностных лиц, которые вопреки требованию ч. 2 и ч. 3 ст. 20 УПК РФ осуществляют производство при отсутствии заявления потерпевшего о возбуждении уголовного дела.

Следует отметить, что законодатель не дает оценки прекращению уголовного преследования при отказе частного обвинителя от обвинения, что представляется неправильным. Несмотря на то, что дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, лицо, к которому обращены требования потерпевшего, не по своей воле становится участником частного уголовного преследования, которое обеспечено принудительной силой закона. На первый взгляд, все просто – если будет установлено, что частный обвинитель действовал незаконно или необоснованно, инициируя уголовное преследование, обвиняемый, в случае причинения ему вреда, имеет право требовать от частного обвинителя возмещения вреда. Но кто будет восстанавливать данное лицо в правах и свободах, которые были нарушены? Видимо, не частный обвинитель, которому это не по силам. Кроме того, частный обвинитель мог добросовестно заблуждаться (невиновное причинение вреда), а деятельность должностных лиц могла носить незаконный или необоснованный характер при производстве по делу, в таком случае необходимо говорить о реабилитации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.